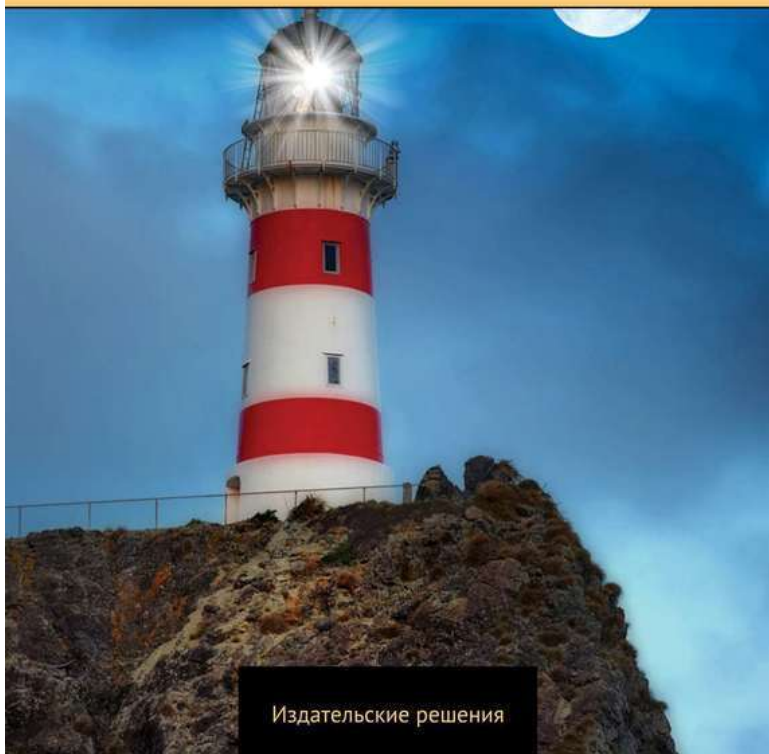


ВЛАДИМИР ЛОРЧЕНКОВ

Гавани Луны



Издательские решения

Владимир Владимирович Лорченков

Гавани Луны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8329558

ISBN 978-5-4474-0146-7

Аннотация

«Гавани Луны» – остросюжетная история любви и предательства, преступлений без наказания. Писатель и его погибшие пять жен, крутой полицейский чин, безраздельно владеющий маленьким городком у реки, и загадки минувшего прошлого, вернувшиеся молчаливыми призраками в настоящее. Кто виновен и, главное, в чем? Здесь фонтаны страсти извергаются гейзерами. Водоворот стиля от одного из лучших русских писателей сегодня. В этой книге крутые парни начали, наконец, танцевать.

Содержание

1	5
2	10
3	14
4	20
5	23
6	27
7	34
8	37
9	41
10	54
11	61
11	64
12	70
13	81
14	85
15	91
16	94
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Владимир Лорченков

Гавани Луны

– Должно быть, я просто не очень умею с дамами

– Ты с дамами достаточно умеешь. И ты просто дьявольский писатель.

Уж лучше бы я с дамами умел

Ч. Буковски

...между художником и просто опустившимся типом, если разобраться, очень зыбкая грань

Э. Доктору

... сила его, помимо чисто стилистического блеска, заключается в том, что он, подобно Мейлеру, скользит по опасной грани психологического (и не только) эксгибиционизма, и вместе с тем у него, как у Фолкнера, есть своя Йокнапатофа

В. Топоров

Только спиртное дает возможность людям дать братский отпор как ангелам, так и бесам

Н. Мейлер

1

Мир это белый лист.

Он заправлен в мою машинку, и время от времени я бросаю взгляд вдаль. Куда-то в сторону дома у реки, которые сейчас так далеко, что мне не видны. Но я не должен думать о них, если я хочу закончить свою историю до конца. Я должен о них говорить. Говорить с бумагой. Так что я говорю с ней и с вами.

Если бы я был Палаником, то рассказал бы вам, как делают бумагу – от того момента, как бросают тряпку в станок до выхода белой щели. Я бы даже в библиотеку не поленился сходить за книгой про то, как делают бумагу. И упомянул бы ее название в предисловии, там, где они все благодарят литературных агентов, любовниц, детей. Ну, они – писатели. Как Паланик, например.

Если бы я был Гюго, то, рассказывая об этом, я бы сделал часовое отступление, которое посвятил рассказу о станках для производства бумаги, начиная с китайского Средневековья.

Если бы я был Барнсом, то обратил ваше внимание на то, к каким забавным и парадоксальным последствиям может привести ваш брак клочок бумаги, оброненный кем-то из супругов по неосторожности.

Более того, я на своем горьком опыте убедился, к каким

забавным и парадоксальным последствиям приводит оборотенный клочок бумаги.

Будь я Апдайк, я бы сразу начал с адюльтера, а лист бумаги сделал бы частью пейзажа, который не что иное, как мазок великой картины мира, в который мы попадаем на миг – от 70 до 100 лет – только чтобы снять в придорожном мотеле комнату для себя и жены соседа.

Будь я на самом деле Апдайком, я бы непременно добавил что в соседнем мотеле отдыхает моя жена с соседом.

Миллер сделал бы лист ослепительно белым Ничто, от которого началось сотворение мира.

Хеллер рассказал бы с десяток исторических анекдотов, связанных с листом, бумагой, писателями, и что обо всем этом думал Сократ по мнению Платона, если, конечно, верить Аристотелю, пересказавшему Платона, в изложении его – Хеллера – разумеется. И вышло бы это у него – разумеется, – блестяще.

Будь я Сароян, я бы набил себе физиономию за украденный образ. Мужчина в костюме, сидящий на крыше небоскреба, и печатающий что-то на машинке. Время от времени он встает и отдает рвущему рук ветру лист за листом. Листья вспархивают вверх. Несутся к самому небу. Оно здесь совсем рядом, и правда кажется, что рукой потрогать можно. Я знаю.

Ведь я действительно стою сейчас на крыше высотного здания.

Рядом со мной – стол с печатной машинкой на нем. Все, что вы сейчас читаете, я печатаю, и разбрасываю. Совсем как мужчина из истории Сарояна. Разница лишь в том, что я – человек из своей истории. И я не придуманный. И все, что происходит со мной сейчас, не образ. Не фантазия и не иллюзия. Это все реальность. Насколько, конечно, реальность бывает настоящей. А для меня она сейчас не больше, чем белый лист, который медленно – как в фильмах, когда печатную машинку берут крупным планом, – покрывается аккуратными буквами.

Я печатаю, встаю иногда, и бросаю листы бумаги с крыши.

Здесь так высоко, что бумага не падает, а взлетает. Все дело в воздушных течениях, которые состав... Впрочем, так я снова возвращаюсь к Паланику.

Я продолжаю.

Фаулз нырнул бы в лист, чтобы выплыть оттуда другим человеком и с настоящей женщиной под руку. Впрочем, ему бы и бумага не понадобилась, настолько высокого уровня мастерства он достиг.

Впрочем, для того, чтобы выплыть из мутной реки жизни другим человеком и с женщиной в руке, вовсе не обязательно быть Фаулзом.

И я заплатил за эту тайну сполна.

Сарамаго бы отошел от чистого листа к теории двойника, и вернулся нагруженный притчами, словно ветхозаветный верблюды из так любимой им Библии.

Вы наверное, думаете, что я их всех ненавижу? А на самом деле они были членами моей семьи. Куда более реальными, чем мой отец, или, к примеру, вы. Как монах переписчик, закрывшийся в башне из темного дерева, я живу сейчас лишь словами. А кто знает в них толк больше нас, писателей? Почему я говорю о них всех сейчас? Может быть потому, что мое сознание было чересчур... литературным? Как сказал мне один знакомый критик, нужно уметь бросить писать. Ну, я так и сделал когда-то.

А сейчас вот вижу себя таким, каким никогда не собирался увидеть.

Сидящим за столом с печатной машинкой. Антураж, правда, не совсем подходящий. Крыша высотки, сильный ветер. И небо, на расстоянии вытянутой руки, ей Богу. Нет, пальцами вы его не почувствуете. Оно ведь прозрачное. Но я должен отойти от неба и вернуться к бумаге. Она уже заправлена, это, кажется, третий по счету лист.

Итак, писатели.

Если бы я был... черт никак не могу вспомнить никого из русских.

Впрочем, это и не нужно. Я ведь говорю о великих, а великих, словно дровишки, подкидывает на Землю Бог. Бог же покинул не только Африку, – как совершенно верно заметил Брюс Виллис в боевике про Черный континент, который мы с Риной смотрели в гостиной в нашем доме у реки, заперев ветрам двери, – но и Россию.

Возможно, Пелевин провел бы на этом листе связующую их – Африку и Россию – линию, воспользовавшись ассоциативным рядом слова «черный», и оно привело бы его от экватора к залежам нефти, спрятанным под заснеженными сибирскими полями.

Впрочем, я же говорил, что здесь не должно быть русских. Да и французов. Немцев, голландцев, евреев, папуасов, троглодитов, коллекционеров белья, ублюдков, святых, гомосексуалистов, нацистов, католиков, вудуистов, блондинок, детей, ветеранов Крестового похода... Писателей, проституток, полицейских, журналистов, критиков, парикмахеров, людей, животных...

На этой крыше не должно быть никого. Ни единой живой души. Ну, кроме одной, конечно.

И это – я.

2

Есть кое-что легче, чем бросить курить.

Это – пошутить над тем, кто бросает курить постоянно. Кажется, первым это сделал еще Марк Твен. Позже его процитирует на первой странице своей книги про крутых парней, которые не танцуют, Норман Мейлер. Что общего у этих парней, кроме прически одуванчиком? Прически взъерошенного американского еврея – позже такую позаимствуют негры, и среди них самый знаменитый это Майкл Джексон, – и которая стала так популярна в благословенной Америке Рейгана? Что общего было у них? По мне так, Мейлер и писал намного лучше, да и Твен вовсе никаким евреем не был. Классический белый протестант, выпускавший довольно неумные разоблачительные книги про Библию, и отметившийся в мировой литературе лишь книжкой про паяннов-озорников, которой сам никакого значения не придавал. Так, безделушка, думал он. Ерунда, говорил он о труде всей своей жизни. А это был ее смысл. Он так врезался в литературу. Можно сказать, полоснул бритвой. Оставил шрам. Ну, а еще оставил после себя добрую сотню шуток и афоризмов, которыми тогда так увлекались интеллигентные круги нового государства, США. Когда оно станет старым, и Норман Мейлер засядет за свою книгу про крутых парней, чтобы расплатиться с долгами – а их, по свидетельству Буковски,

которому об этом сам Норман сказал, было с миллион, и это по ценам 70—хх! – избитая шутка Марка Твена про курево войдет в притчи во языцы. Как она точно звучит?

Нет ничего легче, чем бросить курить.

И вторая часть: я знаю, о чем говорю, потому что сам бросал сто раз.

Ну или двести. Или триста. Или пятьсот. Или десять тысяч. Цифры разнятся в зависимости от настроения шутника, его социального статуса, семейного положения. Последнее для меня никогда не представляло загадки. Как правило, они женаты. Человек, который бросал курить минимум сто раз, курит минимум десять лет. Это средний возраст, около тридцати-сорока лет, а мужчины в этом возрасте склонны уступать давлению женщин, и регистрируют отношения. Ну, или начинают жить с женщиной под одной крышей. Что, кстати, гораздо опаснее, чем даже начать курить. Я знаю, о чем говорю.

Я ведь сам когда-то курил, но потом бросил.

И делал это – отдаю должное даже не остроумию, а наблюдательности Твена, – около ста пятидесяти раз. Да-да. Я курил около пятнадцати лет. И, как вы уже понимаете, я женат.

Вернее, был женат.

В конце концов, человек, избавившийся от такой привычки, как сигареты, в состоянии отказаться от любой другой вредной привычки. От брака, например. Или от выпивки. Неважно. Важно лишь, какой способ избавления вы пред-

почтете. Некоторые выбирают шоковую терапию. Ну, например, съесть пачку сигарет, сидя на унитазе. Такой способ применяют особо строгие отцы в отношении сыновей-переростков. Или иглоукалывание. Холодные ванны. Прогулки в садах Гемисаретских. Я знаю, конечно, что они называются как-то по-другому, но мне, честно говоря, лень перепроверять их название. А поскольку поминаю я их всеу всякий раз, когда упоминаю сады, то привык. И сады стали для меня Гемисаретскими.

Да, человек, не лишенный склонности к анализу, уже давно бы меня раскусил.

Попробуйте-ка и вы. Постоянное упоминание сигарет, брака, и полемика с писателями, а также недурное знание обстоятельств их жизни. Нет, что вы. Литературные критики понятия не имеют, сколько должен был Мейлер к тому времени, как ему заказали третий сценарий, и в каком месте «Голливуда» Буковски об этом упомянуто. Это никому, кроме нас не интересно. Ну-ка, ну-ка... Да!

Итак, я курил, я был женат, и я писатель.

Впрочем, не это все делает меня похожим на коктейль Молотова, принесенный к вашему столу в ведерке со льдом, между двумя бутылками шампанского. Кстати, я предпочитаю брют. Опасным меня сделала другая привычка, от которой я также решил отказаться этим летом. После чего оно стало самым удивительным – и насыщенным невероятными и разнообразными событиями в моей скромной, в общем-то,

жизни, – временем. Чего уж.

Это лето стало самым горячим в моей жизни.

Настолько, что сожгло меня дотла.

3

В моих словах о том, что я не представляю никакого интереса, нет кокетства.

Во мне нет ничего удивительного. Я серость. Если бы не события моей жизни, во время которых меня всего лишь использовали другие люди, я бы этой серостью и оставался.

И неординарной личностью стал лишь благодаря стечению обстоятельств.

Я занимал место репортером криминальной хроники в довольно известной в Молдавии газете, и сотрудничал с местными театрами. Писал пустые, никчемные пьески про отношения полов. Потом обратил, наконец, внимание на то, что происходило с этими самыми отношениями в реальности. Так я развелся с женой. В знак окончательного разрыва я также бросил писать пьесы для местных театров.

Еще я бросил работу, чтобы жить с девушкой, с которой познакомился к тому времени. Ее звали Анна-Мария. Она бросила меня спустя несколько лет, и, чтобы излечиться, мне пришлось перевести нашу историю из разряда настоящих в полку моих фантазий. Кое-что приукрасив, кое-что скрыв.

Книга о нас получилась порнографичной.

Действительно, я оказался заложником операции полиции, которая вышла на поставщиков героина, а Анна-Мария служила в этой самой полиции. Я был вынужден дать показа-

ния против своего приятеля из комиссариата полиции, приятеля, связанного с поставщиками наркотиков, – поэтому легавые и обратили на меня внимание, а не в силу каких-то моих особенных качеств – и после его самоубийства покинул страну. В романе же я описал события совсем иначе. В книге почти не было и слова правды. Анна-Мария свела меня с ума тем, что просто Была, и когда я надоел ей, покинула меня, оставив с разбитым сердцем и маленькими неприятностями с полицией, которые были вовсе не так велики, как я описывал. Тем не менее, эта история – в книжном моем изложении – в Молдавии имела довольно большой резонанс. И если меня не посадили, то лишь из какого-то суеверного почтения, которое туземцы испытывают к печатному слову. Человеку, который считается писателем, в странах третьего мира позволено все.

Проблема лишь в том, что никаким писателем я не был.

А кем же я был? Неудачником с разбитым сердцем, которого использовали, чтобы разоблачить и посадить нечистого на руку полицейского. С таким же успехом они могли бросить ему под ноги палку, чтобы он не успел сбежать. Палкой я и был. Предметом. И больше ничем.

Мне пришлось покинуть страну. Сейчас я честно признаю, что бежал не от полиции, а от самого себя и улиц города, которые пахли волосами этой женщины, и если я, задумавшись, наткнулся на столб и хватался на него, то чувствовал тепло ее талии. Каштаны в Кишиневе пахли пиздой Ан-

ны-Марии, вырезка на рынке была такой же мясистой и розовой, как ее срамные губы, дома Кишинева были не просто домами, а домами, мимо которых проходила Анна-Мария. Я не мог этого вынести и уехал.

Я обосновался в Стамбуле. Спустя несколько лет я, в попытках излечить свое уязвленное самолюбие, написал о своей истории ту самую книгу. Я изобразил пуританку Анну-Марию настоящей нимфоманкой, и даже издал эту книгу. Получил за нее литературную премию, несколько уничижительных отзывов, парочку восторженных, и возможность вернуться в Кишинев с видом триумфатора. Как будто вся эта история меня нисколько меня не задела. Уничижительные отзывы касались, в основном, фактологической содержащей моей книги. Ту самую, которую я попросту списал из газет, публиковавших отчеты по моему делу. Восторженные же касались описания моих любовных отношений с Анной-Марией, и я питал кое-какие иллюзии, возвращаясь в Кишинев.

Конечно, зря.

Анны-Марии здесь уже давно не было, да и звали ее не Анна-Мария, так что никакого значения для нее эта моя язвительная книга не имела.

Она просто забыла меня, и все.

Это поставило меня в довольно глупое положение. Представьте себе воинство, ворвавшееся в Иерусалим в поисках гроба Господня, и не обнаружившее там ничего, кроме бло-

шиного рынка. Мне некому было мстить. Так я оказался в Кишиневе, будучи автором одной толковой книги, десятка глупых никчемных пьес, и полной неопределенностью относительно того, что мне предстоит делать дальше. И, как и все, кому нечем занять себя и в ком столкновение с реальностью будит болезненные похмельные ощущения в висках, я не только стал писать вторую книгу, но и начал пить.

Это потребовало от меня некоторых усилий.

Я купил дом в курортном поселке Вадул-луй-Воды, в пятидесяти километрах от Кишинева, и начал устраивать вечеринки. Они пользовались спросом. Я смеялся над событиями своей жизни, и обещал судьбе никогда больше не потерпеть крах. Любое поражение я грозился – и осуществлял это свое намерение – обернуть в печатные листы. Прогрыш означал для меня торжество победителя. Любую трагедию я превращал в историю. Свое прошлое я растворил в спиртном, после чего выпарил жидкость, а порошок растолок, и стал окунать в него кисть, чтобы рисовать картины. Я сделал себя прибыльным предприятием.

Любое падение я оборачивал цирковым кувырком.

Все это привело к тому, что за десять с небольшим лет я написал больше пятнадцати книг.

Большинство из них прошли незамеченными, хоть их издали. Две уже считаются вехами в литературе. Не заметили, конечно, лучшие. Признали самые глупые. Все мои попытки понять, как и почему происходит признание книги, – или ее

провал, – оказались тщетны.

Это напомнило мне мою позапрошлую жизнь газетчика. Никто никогда не знал, почему разойдется тот или иной номер. Любые предположения оказывались ложными. Вы могли поставить на первую полосу фото растерзанной зверями поп-звезды, и тиражи пылились в киосках. А в иной безводный день вы, – с отчаяния, – ставили на первую полосу заметку об открытии филиала библиотеки в пригороде, и газету сметали.

Вы не понимали причин своих побед, и вы не понимали причин своих поражений.

Это учило смирению. Вы постепенно переставали понимать разницу между успехом и провалом. Со временем вы учились жить с этим, и лишь пожимали плечами невероятным прорывам или оглушительным провалам. Постепенно вам становилось все равно.

Я распространил этот принцип и на свои книги.

После этого я перестал писать.

Как раз к этому времени – как им и положено – критики спохватились, наконец, и назвали меня хорошим прозаиком и Кишиневским Соловьем. Я давал интервью, в которых называл себя лучшим русским писателем в мире и многих это раздражало. Я недоумевал. Скажи мне кто-то, что он – величайший писатель мира, – я бы лишь рассмеялся, и забыл об этом. Анна-Мария уничтожила меня, но Анна-Мария научила меня многому. Самое главное из этого – нет ни-

чего важнее жизни, которую ты сейчас проживаешь. Встал в строй, беги вперед, и руби. Смотришь в мохнатку – смотри в нее. Мир это непрерывный трах и роды, а если так, то мир это женщина. Думай о женщине. Пизда. Вот что манило и влекло меня сильно и неотвратимо. Я был словно Одиссей, давший себе волю и вынудивший воск из ушей гребцов. Они несли меня навстречу водовороту пизды дружно, словно команда гребцов какого-нибудь Оксфорда на этой их традиционной гонке. Мое честолюбие, мои разбитые надежды, моя жажда одиночества при наличии рядом живого тела. Вот кто, – дружно и в ритм, – нес меня к Сциллам и Харбидам женских грудей, в глубины их мясистых пропастей. Я хотел Быть и все тут. Но меня о чем-то спрашивали, и неловко ничего не говорить в ответ, так ведь? И в интервью я туманно намекал на то, что пишу очередную книгу. При этом, конечно, я ничего не писал, и не минуты не сомневался в том, что не напишу больше ни слова.

Я кончился и выгорел, понимал я.

Но при этом с удовольствием участвовал в книжных выставках и фотографировался на пресс-конференциях.

Так я и стал настоящим писателем.

4

Со временем в доме появилась Рина.

Я не увидел в этом ничего удивительного. Само собой, если вы устраиваете вечеринки каждую неделю, рано или поздно в вашем доме заведется женщина. Мы заключили торжественный союз, власть насытившись трахом на громадной кровати, которую я заказал в лучшем мебельном магазине города, и для которой выпиливали проем в стене. На установку кровати сбежался весь городок. Я бы не сказал даже, что это был средний класс. Скорее, низшие слои высшего класса. Адвокаты с международной практикой, бизнесмены, чиновники, погрязшие в коррупции. Купить домик в нашем поселке считалось в Кишиневе хорошим тоном. При этом здесь никто не живет по будням. К городу, до которого езды всего два часа, отсюда ведет прямая дорога, и ее – в отличие от всех дорог Молдавии – регулярно ремонтируют, да и построили на славу. В городке чисто и ухоженно, рядом течет река, и по ее берегам растут тополя, недоуменно выстроившиеся здесь, словно на парад. Вид на это открывается прямо из моей спальни, потому то я и решил оставить проем, выпиленный для кровати. Мы просто застеклили его, и трахались ожесточенно, как враги, на виду у реки, тополей, и нашего городка.

Нашего дьявольского городка, – сказала Рина задумчиво.

После чего, оставив на простыне огромное пятно – меня дико возбуждала чрезмерная избыточность ее смазки, – перевернулась и прикусила мне грудь. Я взвыл.

Полегче, детка, – сказал я тоном порноактера.

Она усмехнулась и склонила ко мне голову. В ее лице я увидел что-то грубое, – словно на несколько секунд она напялила на себя маску, резную обрядовую маску, которыми в молдавских деревнях пугают друг друга на Рождество – после чего стала прежней Риной. Красивой девушкой с длинными волосами, небольшой крепкой грудью, и гладкой кожей, которая покрывалась пупырышками – словно вода рябью, – когда я сжимал ее между ног, и вел в спальню. Она это обожала. Любила твердую мужскую руку. А я любил ее и, как мне показалось, постепенно излечивал себя, возвращая веру в то, что женщина это не всегда мина, касаясь которой, можно ожидать горячего дрожания воздуха и последующего великого безмолвия смерти. Женщина не всегда обман, убеждался я.

Веру в это возвращала мне моя любимая жена Рина.

Которая, в конце концов, выжала меня без остатка.

Чего, в принципе, и следовало ожидать. В конце концов, не это ли имел в виду Маркс – как всякий восточноевропейский интелlectual, я приобрел привычку цитировать его в приложении к делам интимным и бытовым – когда утверждал, что материальное имеет приоритет? Если ты связываешься с женщиной, которая способна довести тебя до ор-

газма не двигаясь, – одними лишь сокращениями своих глубин, – то ты не должен удивляться тому, что она выжмет не только твой член.

Влагалищные мышцы Рины повлияли на ее дух и закалили характер.

Господь сотворил Рину и ее манду, а манда сотворила Рину.

Вместе они и свели меня с ума.

5

То было лето великой жажды.

Лето великой жажды, великой любви. А когда сливались два этих ручейка, стекавших по мне прозрачным и бесцветным потом человека, проводящего по полдня в ванной, это лето становилось еще и летом великой жажды любви. Я изнемогал в ожидании женщин. При этом, как то обычно бывает, в доме не раздавалось ничьих голосов, кроме моего. Глухого и испуганного, когда я вскрикивал из-за упавшего на заднем дворе камня, принесенного ветром; неестественно бодрого, когда я напевал, разыскивая в ящиках кухонного стола остатки кофе или соли; нарочито безразличного, когда я, все еще роясь в столах, натыкался на бутылку спиртного. Да, нарочито-беззаботного, хоть, признаюсь, я и фальшивил, издавая эту песнь равнодушия.

Бутылка, в которой плескался виски, меняла меня в лице, как меняет в лице бывшая подружка, с которой вы столкнулись, выходя из супермаркета.

Ты – конечно, помятый и с упаковкой пива, она – с красивым здоровяком мужем, парой ангелочков и, как никогда, в отличной форме. Ты сглатываешь, делая вид, что ничего такого не случилось, и под ее жалостливое негромкое объяснение мужу, уходишь побыстрее.

Примерно так глядела на меня бутылка, вернее – я на себя

ее глазами, будь у бутылки глаза.

Но даже будь они у нее, это ничего не меняло бы в судьбе бутылки. Я захлопывал ящик, и, нарочито равнодушно бормоча «соль, спички, сахар», продолжал поиски. Казалось бы, отличный ход – выкинуть бутылку или вылить ее. Открыть, улыбнуться небу, и выплеснуть на песок жидкость, пахнущую прогоркло, орехово, чуть лакрично, и одуряюще алкогольно, отчего рот наполнялся горькой слюной... после чего вернуться домой с чувством исполненного перед ОАА долгом. Но я был настроен серьезно в это лето. Это не похоже ни на один из 328 раз, когда я бросал пить, знал я.

Это последний мой шанс, чувствовал я.

Ну, как последний рывок, так затасканный в книгах и песнях, что мы потеряли всякий смысл, всякое значение последнего рывка. Который, между тем, прост и пугающ. Это – всего навсего последний в жизни рывок. После него не будет ничего: или ты победишь, и надобность в рывках отпадет, или ты проиграешь, и тебя не будет. Так что тот, 329 раз, был серьезен

В это лето я бросал пить навсегда.

Марк Твен бросал курить 100 раз, а Мейлер – тысячу. Я, конечно, не Мейлер и не Твен. В отличие от них, я справился. И после девяноста, – на десять меньше чем Твен, и на девятьсот девяносто меньше чем Мейлер, – попыток все же сумел бросить курить. Это было семь лет назад. Примерно семь, говорю я, потому что чересчур точная цифра сразу же наво-

дит на мысль, что человек не избавился от привычки, и дни считает. А ведь я уже забыл вкус сигарет. Но это ерунда, забыть их вкус и ощущение дыма в груди. Мало забыть вкус табака и сигарет.

Самое главное, я забыл их смысл.

Дайте мне сигарету и я не буду знать, что с ней делать. Как держать? Я бы крутил ее в руках неумело, как девственница – член. Впрочем, простите, это сравнение моя жена находила чересчур грубым, это раз, и, – два, – случилось мне видеть девственниц, для которых... Впрочем, это разозлило бы мою жену еще больше. Так что я оставляю ее пока в покое и вернусь на кухню. Когда бросаешь пить, мысли начинают путаться.

Ах, да, спиртное.

После сигарет я решил закрепить успех и решил бросить пить. Отличная идея, но я не учел одного.

Она освободила всех демонов моего ада.

И, конечно, пить я бросал постепенно, потому что, бросая сразу, я подносил запал к бомбе эквивалентной 10000000 тонн тротила. Так что я не стал бороться с пожаром, бушевавшим в моей груди. Я просто дал выгореть ему дотла. Как раз этот раз был последний – как мне казалось – и смахивал на последний всполох в черной чаше, где занялась огнем чудом уцелевшая горка сухого мха. Чадя, он догорал. Как и мои сожаления о тех временах, когда я был молод, умел писать, и не думал о том, что и как зависит в моем

писательстве и от чего. Я просто писал. Сейчас я невыносимо мучился, выводя графики зависимости моей способности писать от спиртного, которое я потреблял. Бессмысленное занятие. С таким же успехом я мог пытаться разглядеть свои писательские приступы в колебаниях амплитуд на Солнце.

Бросить пить это как перестать верить в Бога. Все становится настоящим – я хочу сказать, **по-настоящему** настоящим и непредсказуемым, – и становится опасным.

Не за что спрятаться.

И по мере того, как я становился все суше, мир, наоборот, полнел.

Луна набирала весу. Небеса становились полнокровнее. Венера разгоралась всё ярче. По ночам собаки выли за городком все протяжнее и безысходнее. Тени деревьев замирали, не шевелясь, до самого утра, и тогда их уводило на Запад само Солнце. Звезды набухали, словно пятна на потолке, и грозились обвалиться на землю, предвещая потоп. Все, в том числе небо, набухало, и сочилось. словно Бог, будто нерадивый сосед, забыл закрыть краны, и влага накапливалась в стенах и крыше нашего общего дома, Вселенной. Мир становился огромным набухшим влагалищем и грозил поглотить нас вновь.

Дело шло к сентябрю.

Чужие женщины снились мне все чаще, а птицы пели все раньше. Их трель уже заставляла мою утреннюю эрекцию. Грандиозную и невообразимую никому, кроме меня и всех моих жен, включая бывших и нынешнюю. Уж мы-то знали, что почем. Как-то раз я обклеил себя марками, и к утру кольцо было порвано. Жена, от которой меня к тому времени уже изрядно тошнило – и она отвечала мне взаимностью – назвала меня гребанным извращенцем, и уехала на вечеринку свингеров. Из тех, что устраивали в отеле «Дедеман» скупа-

ющие шлюхи из высшего общества. Я, конечно, тоже поехал. Кому, как не мне, ублажить этих сумасшедших проституток в дорогих парчовых платьях... этих шлюх, надушенных и на-помаженных. Одной из них, кстати, была моя жена.

Я и ее ублажал – прямо на вечеринке свингеров.

Это дало обществу повод поговорить не только о четвертой беременности одной известной певицы, но и о нашей беспримерной любви. Не слезает с нее даже там, где сам Бог велел залезть на чужую коровку, шептались на показах модных фильмов и вечеринках скучающих богемных гомосексуалистов. М-м-м, я старался. Нельзя сказать, чтобы это требовало от меня что-то сверх-ординарного. Дело в том, что, вопреки расхожему мифу о том, что мы живем во времена распущенности. 2000—е по части ханжества и пуританства дадут фору эпохе королевы Виктории. Какие-нибудь чертовы нью-йоркские клерки, собравшиеся в 70—хх пропустить стаканчик, и пощупать чужих жен с настоящими грудями и небритыми еще мохнатками – о, прекрасные настоящие женщины ушедших эпох! – в сто раз сексуально распущеннее моих современников. Бритые лобки, искусственные груди, видимое отсутствие запретов... все это яркая продукция цветных журналов, не имеющая никакого отношения к реальности. Она же, реальность, состоит в печальном факте, который я констатировал еще раз, посетив свингерскую вечеринку, и утвердившись в своем мнении.

Нынче трахаться мало кто умеет и почти никто не любит.

Восемь из десяти человек, пришедших на вечеринку свингеров, садились в уголке, и начинали отчаянно дымить сигаретки, одну за другой. Обычно я к слабостям снисходителен, но не в этом случае. Ведь я-то бросил! А если вы находите в себе силы избавиться от наваждения и проклятия всей вашей жизни, то вы чертовски недоумеваете, почему другие не нашли в себе сил сделать это. Вы становитесь слегка навязчивы и смотрите на окружающих с превосходством и улыбкой. Наверное, их это раздражало. А чтобы успокоиться, они закуривали еще по одной. Ладно. В любом случае, они приходили сюда не трахаться, потому что были слишком уставшими и робкими для этого. Они пили, хихикали, курили, и смотрели пронзительными взглядами на тех, кто осмелится подняться с дивана, и бочком протиснуться в комнаты для секса. Многие до этих комнат так и не добирались.

Восемь из десяти, говорю вам.

Оставшиеся выглядели примерно так. Одна-две женщины, которые действительно пришли трахаться, и тройка-другая мужиков, которые брали числом, не умением. Я старался выглядеть на их фоне выигрышно. Уводил одну-двух, и доводил до того счастливого состояния, когда безразлично уже, что там думают кретины с сигаретками в холле для выпивки. Частенько я делал это с собственной женой. Если бы моя жена была дурой, она бы решила, что я влюблен в нее. Но она умна как Дьявол – как свергнутый с небес Дьявол, поправлю я себя, – поэтому ни минуты не сомневалась в при-

роде такой пылкости. Она понимала, что я лишь поднимаю свой рейтинг в глазах участниц вечеринки. Это давало мне возможность выбрать самую красивую из них потом. Что же. В любом случае все оставались довольны. Даже Рина. Хотя, конечно, она никогда и ничем не показывала, что довольна. Она никогда не хвалила меня. Моя жена... Она была невероятно распушенной, она была алкоголичкой, и она была стервой. И я ее обожал. Уже первых двух причин было достаточно, чтобы я женился на ней.

Так что я на ней женился.

Впрочем, о ней-то я как раз меньше всего думал этим летом. Еще совсем недавно, мучился я, ворочаясь в постели вокруг своего великолепного, потрясающего, большого члена – он, безусловно, несущая ось мира, – как будто вчера, была весна. Лежа в той же постели с той же эрекцией с той же женой в постели, я не слышал ничего, кроме великого и ужасающего меня Безмолвия. Клянусь вам.

Наш городок улыбался и молчал.

Всеми своими стенами и пустыми улицами, по которым добрую половину года кружились бездомные пожухшие листья каштанов, высаженных вдоль реки. Листья напоминали павших бойцов минувшей войны. Как и солдаты, они не нашли своего приюта, лишь кое-где их изредка прикапывали землей, но малейший дождь обнажал скелеты. Покойники, не нашедшие покоя, вот что такое павшие осенние листья, не преданные огню. Они молча шуршали у меня под ногами,

когда я осмеливался выбраться из дома. Я же молчал вместе с ним, дыша винными парами под простыней, натянутой на голову. Когда пьешь, всегда спишь беспокойно. А пили мы крепко. Рина обожала, завернувшись в простыню, сесть на краешек кровати, и наливать, пока из ушей не брызнет. Тогда она, распалившись, подлезала, и, булькая, ерзала по мне, пока я допивал вино. Всегда белое. От красного ее воротило, она говорила, что оно ужасающе напоминает кровь.

А кровь, миляга, это священная субстанция, – говорила она.

Много еще чего она говорила, я старался, чтобы это пролетало мимо моих ушей. Дело в том, что Рина, без сомнения, обладала некоторыми экстрасенсорными особенностями. Говорю это без тени иронии. И если какие-то ведьмы специализировались на метлах, вареве из жаб, и прочих средневековых прибабасах, то Рина предпочитала чистые приемы, не требующие никакой дополнительной технической оснастки. Максимально, просто и эффективно. То, чем можно убить, не озираясь в поисках камня или специальной травы, которая обладает специфическими свойствами. Да, как вы, наверное, уже догадались, ее специализацией было слово. Она могла возвеличить вас словом, и она могла уничтожить вас словом.

Она бросала в вас слова, словно зерна в землю.

И, в зависимости от того, с какой целью она это сделала,

и что это за зерна, в вас всходил урожай. Урожай паники или любви, урожай боли или эйфории. Ей было по силам все, у нее имелись особые, специальные слова, с помощью которых она могла, что угодно Иногда, выпив особенно много, я думал, а не Бог ли она. В конце концов, тот тоже работал словом.

Не Бог ли ты, дорогуша? – спрашивал я ее иронически.

Она хихикала. Без сомнения, ей это ужасно льстило. Ей вообще нравилось, что я боялся ее. Она наслаждалась произведенным на меня эффектом, и не забывала сообщить о нем окружающим. Без зрителей триумф был бы неполон, что неудивительно – триумф это и есть зрители, выстроившиеся вдоль пути триумфатора, ведущего за собой слонов, туземцев, и повозки с золотом.

Все это заменял своей жене я.

В меру известный писатель, бывший, – по меркам нашей маленькой восточноевропейской страны, которую я почти всю могу оглядеть в высоты здания, на крыше которого сейчас стою, – настоящей знаменитостью.

Я пережил трагедию, «ставшую катализатором самобытного творчества», у меня появился курс в университете, меня наградили орденом республики, и я считался лучшим писателем страны. Последнее, право, не стоило мне никакого труда. Ведь в Молдавии я оказался единственным, кому пришла в голову мысль попробовать себя на писательском поприще. Так что везде, и во Дворце Республики, и на вече-

ринках свингеров из высшего и полувысшего общества, – я был звездой, пусть и сомнительного толка. Рине это нравилось. Сбрасывая на мои руки пальто, и заходя в ярко освещенный зал с выпивкой и запахом секса, она ощущала себя Цезарем, ведущим на золотой цепи сына парфянского царя. Я не противился. Я и был сын парфянского царя, ведомый в длинной веренице трофеев моей жены, одним из ее пленников и рабов.

В конце-то концов, я и был ее пленником.

Я любил ее.

Зимой все становилось по-другому.

Я просыпался, щурясь от белого цвета, проникавшего в дом отовсюду. Белый снег лежал на льду, сковавшем Днестр, белые кроны деревьев сливались с белым из-за снежных туч небом, белым был наш двор и крыши домов, соседствовавших с нашим. Белой была простыня, в которой я запутывался под утро. И вся эта белизна молчала. Пожалуй, лишь наэлектризованная волосами моей жены простыня нарушала молчание, потрескивая. В остальном же ничто не нарушало великого зимнего безмолвия нашего городка. Земля, неумолимо вращаясь, в который раз за пять миллионов лет, сумела изменить здешние пейзажи. Белый цвет спрятался где-то в лесу за рекой, до следующей зимы, и на небо выползли звезды. Первой, конечно, была Венера, смущавшая еще древних вавилонских астрономов, выбравшихся покормить ящера на вершину Башни. Они представляли себе утреннюю звезду голой женщиной с выпуклым животом и бесстыжим чревом. Я их прекрасно понимал.

Венера и выглядит бесстыжей и обнаженной.

Просто взгляните на нее утром, когда ваш стояк нарушает общепринятый ход истории. Взгляните, и убедитесь в моей правоте. Я же, поглаживая себя, и глядя на Венеру, светившую в верхнюю часть моего окна, выходящего на реку, часто

мечтал. Конечно, это были эротические фантазии. В них я часто представлял себе Венеру богатой иностранкой, туристкой из, почему-то, Венесуэлы. Которая – да, Венера, – спускается ко мне с шаткой, разбитой лестницы с неба. Взвизгивая, и придерживаясь руками, как всегда делаешь, когда спускаешься по раскладной лестнице. Я думал о том, как бы она выглядела в этот момент, и во что была одета. Я решил, что лучше всего, если бы под юбкой – примерно до середины ляжки, – на ней ничего не было. И Венера ясно дала мне понять, что это так. К сожалению, яркий свет там, где должны были быть трусики, не позволял мне рассмотреть все повнимательнее, но я не расстраивался, потому что уже предвкушал встречу. В конце концов, меня ждало нечто невероятное.

Сама Венера спускалась с неба, чтобы дать мне.

И уж упускать эту возможность я не собирался.

Встреча не разочаровывала меня. Она была сочной, чуть полной женщиной с большой, свежей еще грудью. У нее и правда был выпуклый живот, и по нему стекали капли пота, который появляется, если вы воздержитесь. Она воздержалась. Я спускал ей на живот, и размешивал свое семя в ее поте. Венере нравилось. Она набирала в рот огня и, словно факир, сплевывала им в мой пах. После чего слизывала все до последней искорки. Я держался, сколько мог, но всегда кончал первым. Это-то и отличало Венеру от смертных женщин. Им я никогда такого фокуса не позволял. Старался до послед-

ней черты. Иногда это раздражало Рину. Ну, если в виде исключения ей хотелось быстрого секса. Она визгливо упрекала меня в том, что я вожусь с ней, словно хирург с трупом в анатомическом театре. Заткнись, расслабься и кончай, говорил я. Согласись, что, как и хирург, я в совершенстве знаю устройство твоего тела, возражал я.

Эту карту ей крыть было нечем.

Она затыкалась, расслаблялась и кончала.

8

С Луной все представлялось иначе.

Ведь Луна всегда представлялась мне худощавой испорченной девицей, ну, вроде одной из моих студенток, с которыми я никогда не спал. Жену это раздражало. Она не верила, и утверждала, что я или осел, или лгун. Правда, поначалу, когда она убедилась в том, что я Действительно не трахнул ни одну из своих студенток, привлеченных имиджем писателя и затворника, – выбирающегося из своего городка на Днестре почитать лекцию-другую раз в неделю в Кишиневе, – то решила, что я просто поднимаю свой рейтинг. Это, как и вообще любое рассчитанное действие, внушало ей омерзение.

Ты словно девка, которая торгует своей девственной плевой, – бросала она мне.

Не потому ли ты так зла, что потеряла эту плеву в неполных тринадцать? – спрашивал я. – И сама не помнишь, с кем и как?

Заткнись, – рычала она разозлившись, а из-за чего, один Бог ведал, Бог, да Луна, с которой эта сумасшедшая иногда переговаривалась по телефону.

Я не утрирую. Иногда Рина брала трубку телефона, набирала один, ведомый лишь ей, номер телефона, и просила позвать к телефону Луну. После этого она, клянусь, разговаривала. Более того. Я клянусь, что слышал голос ее собеседни-

цы. Ровный, приятный, и слегка металлический.

Если бы Луна умела разговаривать, она бы говорила именно так.

Выкладывай, подружка, – говорила жена, и, многозначительно глядя на меня, отворачивалась.

О чем они говорили, для меня особого интереса никогда не представляло. Я просто выходил из спальни, отгоняя от себя мысли о том, что слышал чей-то голос, и шел на веранду. Там выпивал, или глядел на снег, покрывший Днестр и леса, и городок, и мир, и душу мою бессмертную, и пытался понять, почему я живу с этой сумасшедшей. Дело, конечно, было не только в том, что и я часто вел себя как сумасшедший.

Хоть Рина и говорила всегда, что это не больше чем поза и рассчитанный маневр, но я порой и в самом деле поступал необдуманно.

Например, этим утром.

Я думаю об этом, глядя на простыню, которая, против обыкновения, не режет мне глаза своей белизной. Ну, это и понятно, почему.

Простыня – красная.

Бледно-красная, словно Венера перед самым рассветом. А он вот-вот наступит.

Так что я вновь гляжу в окно, и вижу там тень Луны. Испорченная девица с папироской в мундштуке, и в наряде под двадцатые годы. Вот как выглядела бы Луна, прими она об-

личье земной женщины. Я мечтал иногда об этом. Еще мне казалось, что я испытаю наивысшее наслаждение, когда она потербит меня своим ледяным языком. Всосет в рот, полный прохладных медяков, которыми оплатили Харону свое путешествие сотни тысяч античных бедняков. Представляя, как мое естество протискивается между прохладным металлом и горячими щеками шлюшки с небрежным взглядом Анаис Нин, я распался. Ох уж эти шлюшки двадцатых годов! Звезды немого кино, подружки Миллера, проститутки в роскошном неуклюжем белье. У меня встает, стоит мне увидеть задницу 20—хх годов. Ее изображение, вернее. Ведь все настоящие задницы той эпохи давно уже истлели. Приходится довольствоваться фотографиями, фильмами и воспоминаниями очевидцев.

Но я успевал, думая о них, разрядиться в пустую и мокрую постель, где лежал без сна один, без жены, или какой любой другой женщины.

Их я, конечно, в дом приводил, хоть это и было чревато.

Невероятно терпимая к проявлениям распушенной сексуальности в строго допустимых для этого местах и ситуациях, моя женушка ненавидела измены. Так что, если мне хотелось полакомиться чужой задницей в нашем доме, приходилось ждать отъезда Рины. На вопрос, какая часть женского тела значит для меня больше всего, я отвечал не раздумывая. Задница.

Хотите лучше узнать женщину – узнайте ее задницу.

Рина, правда, никогда мне не верила. Она утверждала, что я просто-напросто скрываю свое недовольство ее маленькой грудью. Она всегда была недовольна и всегда держала меня в состоянии постоянного напряжения. Она называла это «беспокоящие бомбардировки». Она и правда беспокоила меня бомбардировками моих к ней привязанности и честности. И если первое за время нашего брака превратилось в какую-то странную, болезненную зависимость, то второе меня вовсе покинуло. Тем более, что я, как и полагается всякому писателю, отписавшему свое, занялся тем, чем пишу-щему человеку заниматься противопоказано.

Я стал рефлексировать и думать о том, как нужно писать, почему я этого не делаю, когда начну делать, и тому подобное.

Совершенно зря, конечно.

Как и в случае с сексом, писательство требует лишь отдачи делом.

Так что, утратив способность писать, я вцепился в то единственное, что у меня осталось.

А оставалось у меня немногое.

Только секс.

9

Той ночью я проснулся в окровавленной постели.

Проснулся с невероятной эрекцией и смутными воспоминаниями о каком-то печальном происшествии, заставившем меня встать с кровати и подойти к окну, и встать напротив одинокой Венеры. Я чувствовал сильный страх и сердцебиение: из таких, от которых слабеют ноги и пропадает всякое желание бороться за свою жизнь. Должно быть, так бьется сердце у жертвы в чаше, когда она замечает пристальный взгляд хищника и понимает, что все потеряно. Такие передачи обожала смотреть по ТВ моя жена. После этого я, к счастью, глянул вниз, и сердце мое успокоилось. Моя феерическая эрекция поражала небеса, мой кол подпирал, словно кариаида, мои ребра, а они, из-за накаченного преса, видны лишь на самом верху тела. Я поразил сам себя. Конечно, мне сразу же захотелось секса.

Слов нет объяснить, как я хотел в этот момент женщину.

Глядя в окно, на зеленеющие берега Днестра вдаль, над которыми повисла тускло мерцающая красная звезда, я начал выкликать женщину всей силой своего естества. Я вспоминал всех своих любовниц, я вырисовывал мельчайшую черточку тела каждой из них, я лепил их, словно язычник – божка из глины. Я хотел, чтобы хотя бы одна из них пришла ко мне в это утро. Я чувствовал жажду, я мечтал вломиться

между нежных и мягких женских ног, инстинкт насильника вспыхнул во мне. Если ты есть, взывал я мысленно к Богу, то пошли мне женщину и я сделаю ради тебя все. Если и Ты есть, молчаливо кивал я Дьяволу, стоящему за другим моим плечом, и бог не захочет помочь мне, пошли женщину ты, и я буду твоим верным слугой. Дай мне. Женщина. Вот что мне нужно было этим утром. Но Дьявол молчал и я, обернувшись, видел за своим плечом лишь пустоту. Лишь тогда я понимал, что он стоял вовсе не там. Дьявол переглядывался со мной в обличье Венеры. Что же. Я мысленно напомнил об условиях договора и пожал плечами.

Ровно в эту же секунду зазвонил телефон.

Никаких сомнений в том, кто именно вызвал этот звонок, у меня не возникло. Я подошел к тумбочку у кровати, и, смахивая что-то потекшее из носа – видимо, это была кровь, и именно ей я запачкал простыню ночью, такое случилось, у меня слабые узкие сосуды, – протянул руку наугад. Уронил трубку. Чертыхнулся.

Не чертыхайся к ночи, – сказал тоненький голосок.

Не поминай всуе его имя к ночи, – сказал он.

Сейчас уже утро, – сказал я.

Пусть и раннее, – сказал я.

К тому же, никакого Его нет, – сказал я.

Она недоверчиво хмыкнула. Я мысленно согласился. Кто, как не он, Дьявол, чье имя не стоит поминать в ночи, послал мне ее? Люба – а это была она – вздохнула. Я буквально ви-

дел, как она заложила ногу за ногу. Она была моей любовницей. Моей Бывшей любовницей. И звонила мне впервые за четыре с половиной года. Нужно ли говорить, что у меня отпали какие-либо сомнения в реальности существования того, чье имя мы боимся называть в ночи? Не было никаких сомнений. Сам Дьявол послал мне ее. А что же Бог? Неужели объявится еще одна женщина, подумал я, и переступил с ноги на ногу. И только тут почувствовал, что на полу мокро.

Ты не звонила очень долго, – сказал я.

Я думала, что никогда не позвоню, – сказала она жалобно.

Но что-то толкнуло тебя сделать это, – выжидающе сказал я, терпеливо ожидая подтверждения.

Верно, – сказала она.

Ты слепил из воска мою фигурку и сунул ей между ног мобильный телефон? – спросила она.

Ты никогда не шутила достаточно удачно для того, чтобы я рассмеялся, – сказал я.

Ты никогда не был достаточно вежлив для того, чтобы спросить меня о причине звонка, – сказала она.

Верно, – сказал я.

Я просто говорил «приезжай» и ты приезжала, – вспомнил я.

Я приезжала, и мы трахались, – сказала она.

Ты приезжала и мы трахались, – сказал я.

Снова переступил с ноги на ногу, пытаюсь понять, почему

пол мокрый, и прислушался. Она, конечно, была пьяна.

Приезжай, – сказал я.

Ох, милый, – сказала она.

А, ну да, – сказал я.

Большая часть свободного времени Любы уходила на то, чтобы избавиться от болезненных зависимостей. Алкоголь, сигареты, иногда наркотики, ну и я. Порой мне это льстило, иногда безумно раздражало. Особенно в те дни, когда у меня не было женщины, и я буквально шаманил на то, чтобы хоть одна из них появилась в утро моих невероятных похмелий и эрекции. Люба была рослой, сумасшедшей оторвой с огромной грудью пятого размера, что порой служило ей поводом для рефлексии. Исключительно во время пьянок, конечно. Напившись, она причитала над тем, что из-за груди мужчины считают ее шлюхой, тащат в постель на раз-другой, и бегут от серьезных отношений, потому что не верят в их возможность с женщиной с Таким Бюстом. Иногда, впрочем, я подозревал что она страдала бы от груди первого размера не меньше, а то и больше. Она вытворяла безумные вещи – опять же, благодаря алкоголю, – и иногда спала с тремя-четырьмя незнакомыми мужиками за день. Но деньги у нее водились, их регулярно снабжал дочь папаша – владелец трех самых модных коктейль-баров города. Так что в нашем городе Любе легко прощали то, за что другая, менее состоятельная, девушка, давно бы очутилась за бортом общественного мнения. У нее были плотные, красивые ноги. И почти не бы-

ло живота. Глаза у нее все время блестели, а волосы были черными и жесткими. Кажется, я ничего не упустил? Ах, да.

Она была влюблена в меня.

По-настоящему. Так что лет десять назад, когда я вернулся в Кишинев из Стамбула в статусе признанного писателя, и стал склеивать разбитое сердце влагалищными соками, которые жадно черпал между ног самых разных женщин своего городка, Люба даже пробовала жить со мной. Конечно, из этого ни черта не получилось. Я не жаждал верности и не мог дать ее. Люба страдала из-за этого, но с удовольствием передала меня по цепочке своей подруге. Ту звали Ирина, – для друзей и любовников Рина, – и она тоже увлекалась пьянством, прикладной магией и большими, твердыми членами. Поскольку я имею прямое отношение к последнему и первому, и опосредованное – ко второму, мы с Риной сошлись легко и быстро.

Всякий раз, когда я вспоминаю о той легкости, с которой вы с Риной изменили мне, – сказала как-то Люба, – я прихожу в уныние.

Брось, – говорил я, – кто, как не ты, свела нас?

Да, – говорила она, – но дело-то не в этом?

А в чем, малыш? – спрашивал я, засаживая ей поглубже, и заползая на нее повыше, ведь я обожал миссионерскую позицию с Любой, это всегда наводило меня на мысли об инквизиторах в лесах Парагвая и насилуемых ими индианках.

Я всегда завидовала Рине за ту легкость, с которой она

дает мужикам, – говорила Люба, кося своими глазами индианки, – нет, не тело, а что-то...

Помню, как она сошлась со своим первым мужиком, который трахнул ее, когда мы учились в частном колледже в Яссах, вот была потеха, – говорила она, глядя мне в глаза и подергивая ляжками.

Впрочем, нет, не стану рассказывать, – говорила она, запрокидываясь.

Вот сучка, – смеялся я, вцепившись ей в грудь, – ты же уже рассказываешь.

Продолжай, – говорил я.

Ну, – говорил я.

Да говори уж, мне же все равно плевать, – говорил я.

Люба?! – говорил я.

Вот шлюха! – восклицал я, раздосадованный, и залеплял ей пощечину.

Но она молчала. Только этого она и ждала, она обожала, когда ее били. А я... Крючок впивался в кожу, и, пусть неглубоко, но распарывал ее. Но поначалу я не придавал этому никакого значения. Отец всегда говорил мне: если порезался, то посыпь рану солью, всего дел-то. Так что я никогда не придавал значения никаким ранам. К тому же, женщины мастерицы на такие штуки. И я трахал Любу, чтобы она там не говорила. И трахал бы еще много лет, – это может длиться вечно, почитайте-ка «Деревни» Апдайка, – если бы она не решила, что дальнейшая наша связь разрушает ее, как

личность. Она перестала спать со мной, а мне было не до того, чтобы удерживать ее.

Ведь наш с Риной роман был в самом разгаре.

Он полыхал, как мусорный костер посреди двора, и чадил вонью сжигаемых крыс, павших листьев и пластмассовых бутылок. Адская, безжизненная атмосфера возникла в эпицентре нашего пламени. И только два таких беспринципных, подлых, бесчестных существа, как мы с Риной, могли выжить в нем. Говорят, крысам не страшна радиация, а тараканы выживут в мире и после ядерной зимы. В таком случае я знаю, кто станет Адамом и Евой а новом мире с заснеженными пейзажами и лосями, забредающими в супермаркеты. Мы с Риной выжили бы в самом аду, если бы ад существовал на земле. Да он и существовал.

И это, – на определенной его стадии, – был наш с ней роман.

Я сглотнул. Люба молчала, но меня ее молчание не обманывало. Я знал, что она может дышать в трубку часами, во все не считая это бестактным или бессмысленным. Я слышу, как бьется твое сердце, говорила она в такие минуты. А я ее сердца никогда не слышал. Грудь мешала.

Интересно, чувствуешь ли ты сейчас то, что чувствую я? – спросил я Любу.

Сильное сердцебиение и испуг, – сказала она.

Приезжай, – сказал я.

Приезжай, я хочу тебя, – сказал я.

А как же Рина? – спросила она, хихикнув.

Не веди себя, как дура, – грубо сказал я.

Рина в отъезде, – сказал я.

Стал ли бы я звать тебя сюда, чтобы потрахаться, если бы она спала в моей кровати, – сказал я нарочито грубо, потому что грубость Любу заводила, а мне очень, ужасно, хотелось ее завести.

Я взглянул вниз. Он стал как-будто бы еще больше и крепче. Я испугался, что он вырастет настолько, что проткнет мое подбрюшье. А чтобы этого не случилось, мне следовало найти кого-нибудь, кому бы я проткнул подбрюшье вместо своего. И Люба, с ее огромными грудями и горячечной задницей, была первым кандидатом на это увлекательное приключение.

Так ты приедешь? – спросил я, благодаря Дьявола.

Не знаю, – сказала она, став почему-то грустной.

Где ты сейчас? – спросил я.

Дома, – сказала она.

Значит, приедешь, – сказал я.

Она ненавидела оставаться дома одна. Квартира у нее была огромная, роскошная, с видом на парк и огромным окном на всю стену – она любила сосать, стоя на коленях у этого самого окна, – но неухоженная. Неудивительно. Ни один мужчина не оставался там больше, чем на сутки. В результате дом Любы стал чем-то средним между базой альпинистов у подножия Эвереста и казармой пожарного расче-

та. Не хватало шеста, по которому бравые парни спрыгивали бы вниз, освобождая место следующей партии. Впрочем, это решилось, и Люба установила шест. Ей нравилось танцевать возле него, и она, отдаю ей должное, научилась делать это в совершенстве. Может быть, думал иногда я, глядя то на макушку Любы, то на вид на парк из ее окна, ее проблема состоит в том, что она была чересчур и во всем хороша. Не хватало червоточинки. Изъяна. Когда человек идеален, не за что взглядом зацепиться. Вот Рина, к примеру, вся была в этих невидимых никому, кроме меня, щербинках. Так что я не просто прицепился к ней. Я прилип, как братец Лис к смолянскому чучелу братца Кролика.

Почему ты грустишь? – решил блеснуть экстрасенсорными способностями и я.

Эти способности всегда были причиной шуточных споров между Любой и Риной. Люба утверждала, что у меня есть дар предчувствия и звериное чутье. Это было чересчур, как всегда, когда дело касалось Любы. Рина же, напротив, говорила, что в плане предвидения я – валенок-валенком (так она и говорила), и не чувствую людей, и события. Как всегда, истина была где-то посередине. Например, в данный момент я остро почувствовал Любину тоску. Она словно овеяла макушку моего члена траурной вуалью.

Ты грустишь, – сказал я, потому что она все еще молчала. Мне страшно, – сказала она.

Кстати, ты прекрасно знала, что Рины нет сейчас дома, –

сказал я.

В противном случае ты бы поостереглась звонить ночью, – понял, наконец я.

Наконец, понял, – сказала она.

Иногда я думаю, что Рина права насчет твоей эмоциональной бесчувственности, – сказала она.

Где Рина? – спросила Люба.

Откуда мне знать? – спросил я.

Трахается должно быть с одним из своих любовников, а как вернется, наплетет что-то про конгресс в Киеве или Бухаресте, – пожал плечами я.

Глянул в окно – до рассвета оставался примерно час, – и в зеркало. Черт лица еще видно не было. Пол темнел, значит, жидкость не была водой. Я потрогал нос. Весь в засохших корках. Носовые кровотечения у меня случались, и часто. Но таких сильных, еще никогда. Впрочем, это не имело значения, я никогда не боялся вида крови.

Так ты видела Рину в городе? – спросил я.

Нет, – сказала она.

Откуда же ты знаешь, что ее здесь нет? – спросил я.

Мне приснилось, что она умерла, – сказала Люба испуганно.

И, проснувшись, я поняла, что это правда, – сказала она.

Я вздохнул. Люба всегда переоценивала сны, как знамения. В груди заныло. Зачесались руки. Я знал, это нервное. Так, почесываясь, я встал и подошел к окну. Ворота закры-

ты. Значит, автомобиль в доме. Наш двухэтажный, довольно скромный по местным меркам, особняк, расположен не так далеко у дороги... Машина у нас одна на двоих. На права я сдал всего несколько месяцев назад. Я поежился, и вернулся к кровати. Сел и потрогал ноги. Засохшая кровь.

Итак? – говорю я ей.

Мне приснилось, что Рины умерла, – сказала Люба.

Ее убили, – пояснила она, – и это сделал ты.

Вот как, – сказал я.

Откуда же тебе знать? – спросил я.

Известия мелькают, словно крысы, – сказала она.

Я усмехнулся. Она произнесла фразу из одной из моих книг, которым я придавал так много значения в то время, когда еще лелеял мечты о попадании в мировую «десятку». Мейлер, Хеллер, Апдайк, и иже с ними. Когда я понял, что попал в десятку, это не изменило ровным счетом ничего в моем писательстве и в моей судьбе. Мне точно так же пришлось вставать ни свет, ни заря, и садиться к столу, чтобы начинать все сначала. Я был потрясен. Это меня буквально сломало. Так, должно быть, чувствовал себя Али, которому после мясорубки с Фрезером подкинули еще работенки. И это после десяти лет и двух десятков книг?! Черт. И тогда я сказал себе – ладно, я пас. И перестал писать.

Рина смеялась надо мной, когда я писал.

А когда перестал делать это, стала смеяться еще язвительнее и обиднее. Она вынимала мои кишки своими острыми

зубами полинезийской акулы, и наматывала их на сумочку, как флаг побежденной армии. Она ненавидела меня, когда я был сильнее, и стала презирать, когда я ослаб. А я ослаб, и дар оставил меня.

Что же, зато у меня осталась масса времени на женщин.

Одна из них звонила мне сейчас, и со значением произносила фразу из одной моей книги. Известия мелькают, словно крысы. Видели ли вы, как мелькают крысы? Это действительно страшное зрелище. Оно не будит в нас ничего, кроме отвращения и испуга. Крысы слишком быстры, чтобы мы их увидели. Мы видим лишь некую тень. Воспоминание. Меня передернуло.

Ты вздрогнул, – прошептала Люба.

Я вздрогнул, – сказал я.

И я мерзну, – сказал я.

Так приедешь ты или нет? – спросил я.

Я знал, что Рина вернется нескоро. Я знал, что она устроит скандал, когда увидит здесь Любу. Но я знал также, что она устроит бойню, только когда Люба покинет нас, и вернется в Кишинев. До тех пор Рина будет улыбаться, и скользить мимо меня ледяной змеей. Респектабельная убийца. Вот на ком я был женат пятый год. Она в считанные годы сломала мое честолюбие, мою волю и характер. Легко и играючи. Словно питон – кроличий скелет. Внезапно окно посерело. Стало понятно, что рассвет и хорошая погода откладываются. Будут дождь. Так и есть, Венера за окном исчезла.

Я почувствовал, как ноют мои кости.

Человек жив, пока он трахается.

Так считала моя невероятно падкая на мужиков и оттого невероятно живая жена, и у меня нет никаких оснований сомневаться в ее словах.

Она была жива и она трахалась.

И еще как!

Хочу поправиться. Я не сомневался не только в этих ее словах. Я принимал на веру любые ее слова – ведь ни разу мне не приходилось уловить слабый аромат обмана в стогах ее волос. Пышных и прекрасных – отдаю я должное умению моей супруги не только внушить доверие, но и сотворить на своей голове, пусть и с помощью дамского мастера, нечто невообразимо беспорядочное, но потрясающе очевидное. Английский сад. Вот что приходило уже в МОЮ голову при взгляде на локоны, спадающие с холма лба, массив волос, густой и непролазный где-то в самом своем центре, и становящийся более свободным ближе к вискам. Локоны. Я любил скрутить несколько из них в тугий жгут, держась за который, взмывал вслед за ней к самой Луне, а потом нырял в самую глубину Марианской впадины, туда, где ни разу не побывал солнечный свет, и где огромные, сероводородные рыбы пляшут джигу посреди кусков горячей лавы, извергнутой подкожьем земли, и остывающими прямо здесь.

Горячий, ароматный, смертельный суп. Вот куда опускались мы с женой, и я молился – богу ли, чертям ли, – держась за ее волосы, и втыкая в самую матку. Рина выла и смеялась.

Она называла это «укрощение ведьмы».

Как вы уже успели заметить, – а сейчас этому все придают довольно много значения, – я пишу слово «бог» с маленькой буквы. Пусть это вас не смущает. Точно так же я пишу с маленькой буквы слова «жена» и «вы», хотя под каждым из них подозреваю внимательное существо, пристально изучающее меня посредством гигантской лупы. Все мои телодвижения, привычки, манеры, повадки, и что там еще? Да, гигантская лупа. Для моей жены это была ее пизда. Для вас – эта книга. Да, я не стану делать вид, что просто рассказываю все это в какое-то «никуда», Вы – читатель моей книги. Вернее, вы просто читатель (как бог – не свидетель чьей-то конкретной жизни, а наблюдатель ВСЕЙ жизни вообще) . И у вас есть увеличительная лупа, благодаря которой в общий фон где-то внизу, фон копошащихся, пожирающих друг друга существ, врывается одно из них, и вы внимательно разглядываете чешуйки и крылышки этого счастливчика. Или бедолаги. Это смотря какая у вас цель. Раздавить насекомое. Или бережно посадить его на руку и послать к небу, собирать деток. Песенка о божьей коровке, помните? Кстати, снова бог. Знаете ли вы, что читатель, захлопнувший книгу, в состоянии расплющить автора этой книги? Так или иначе, а вы ее раскрыли. И разглядываете, посредством бумаги и строчек, то,

что моя любимая жена сумела вычленишь и приблизить к себе посредством своей дыры, прикрытой мясистыми складками. Что она там видела, хотел бы я знать? Теперь это навсегда останется ее тайной. Хотя не раз, подвыпив, и превращаясь, словно по велению каких-то чар, в злобную стерву с неприятным запахом изо рта, она говорила мне:

– Знаешь ли ты, что я ведьма, милый?

Я сказал «говорила»? Я оговорился. Она угрожала. Угрожала мне, чтоб ее. И, надо признать, угрозы ее, – отдающие на вкус горечью неуловимых измен, – своей цели достигали. Я изо всех сил напрягал мышцы груди и пресса, которые к концу нашего брака накачал весьма твердыми, ведь из-за ее постоянных насмешек я занялся спортом всерьез. Но это не имело смысла. Ее намеки и угрозы, туманные, но, в то же время, совершенно ясные – так полуразмытая луна в ночном тумане не оставляет у вас сомнений в своем существовании, – не оставляли никаких надежд на спасения.

Я чувствовал физическую боль из-за ее ядовитых проклятий, брошенных в меня невзначай.

Ну, словно змея, плюющая ядом, мимоходом брызнула смертельной субстанцией во что-то, показавшееся зрачком – эти змеи всегда плюются в глаза, вы знали? – и поползла дальше. А случайная жертва осталась на солнцепеке, корчась от слепоты, безумия и огненного шара, который вот-вот взорвется в мозгу, и уничтожит добрую его часть. После чего, – счастливым идиотом кружась на месте, – вы умрете,

истекая своим через нос мозгом, словно кровавыми соплями. Возможно, кому-то из вас покажется, что описывая таким образом экстрасенсорные способности своей жены, я, как и все разведенные мужья, преувеличиваю. Это отнюдь не так. Я, скорее, преуменьшаю. Раздевшись до пояса, словно вакханка какая, она садилась у нашего роскошного дивана, – двенадцать квадратных метров, черт бы его и побрал – а он и побрал, но об этом позже, – открывала одно вино за другим, и говорила. Если она была в плохом настроении, то, как я упоминал, угрожала. И угрозы ее причиняли мне настоящую боль в области живота и грудной клетки. Словно грудная жаба вселялась в мои ребра, когда эта стерва намекала мне на то, что у них в семье ведьмы издавна занимались тем, что кастрировали мужчин на расстоянии.

Мальчик мой, ты и понятия не имеешь, ЧТО иногда я вижу, – говорила она, покачиваясь.

Спешу заметить, то были не пошатывания пьяной женщины. Так раскачиваются кобры, которым наигрывают свои мелодии индийские факиры. Да, снова кобры. Еще это напоминало ерзания тигра перед тем, как эта большая кошка вот-вот бросится на спокойно пасущуюся зебру. После этого кишки несчастного животного волочились вслед за ней по пыльной траве, а торжествующая кошка втыкала в загрибок жертвы свои омерзительные мне когти. Надо ли говорить, что моя жена обожала смотреть телевизионные передачи про то, как охотятся змеи и тигры?

И, конечно, она была завзятой кошатницей.

Тебе трудно это понять, милый, – говорила она, покачиваясь, и полузакрыв глаза, – но мы, женщины, чувствуем с кошками какую-то мистическую, потустороннюю связь.

Мы, ведьмы, хочешь ты сказать, – поправил ее я.

Ах ты сученыш, – пьяно рассмеялась она.

Да ты боишься, – добавила она с радостным воодушевлением.

А ты снова пьяна, – раздражался я.

А ты снова боишься, – хихикала она, после чего вставала с дивана.

Конечно, делалось это, – как и все, что делала моя жена, – с расчетом.

Выглядела она в свои тридцать девять отлично.

Невысокая, и потому всегда с идеально прямой спиной, что выгодно подчеркивало ее небольшие, но красивой формы груди. Худенькая, но особенной худобой, которая проявляется лишь, когда женщина одета. Раздетой же она всегда выглядела скорее полной. Черт побери, как ты это делаешь, восхищенно спрашивал я ее на первых порах нашего брака, когда спрашивать ее о чем-то мне еще хотелось. Я же ведьма, милый, хихикала она, так что все это обман зрения. В таком случае, это весьма аппетитный обман, говорил я. Ага, говорила она. После чего добавляла взглядом – меньше слов. Ну что же, говорил взглядом я.

И мы ступали на скользкую тропу секса, пропахшую кро-

вью ее месячных, – что никогда не останавливало нас, скорее распаляло, – моим семенем, ее жадной слизью из-под языка, которая так густо, словно румяна не ее лицо, ложилась на мой пах, ее помадой, которая так славно блестела на моем теле ночами, которые мы проводили вместе. Итак, я хватал ее за роскошно уложенную прическу – удивительно, но ее это никогда не раздражало, что для женщины, в общем, нетипично, и начинал объезжать, словно дикую не прирученную кобылу. Так оно и было. Несмотря на то, что брак у Ирины был четвертый, она так и не привыкла к людям. А они не смогли привыкнуть к ней. Все ее мужья бежали от нее без оглядки, прикрывая тылы гордым и самоуверенным мнением того, что сумели насладиться близостью со столь стильной женщиной, не расплатившись за это ничем. Этим они походили на коматозника, – выжившего после автомобильного крушения, – которому снится, что он на облаках беседует с ангелами и играет с богом в подкидного. А на самом деле он потихоньку гниет на чистейших простынях, и тело его покрывается, несмотря на все усилия медсестры, предвестниками гангрены и разложения – пролежнями. А то легчайшее касание перышком, – что кажется в беспамятстве касанием крыла ангела, – не больше, чем легкий поцелуй пришедшей раз в пять лет к ложу жены. Бывшей, кстати, жены. И которая, по несчастливому для меня стечению обстоятельств, обратила свое внимание на меня.

Она же только посмеивалась, раздевалась, и покачивалась

в свете Луны, накачиваясь и заворачивая следующего кандидата на плевки смертью в глаза. Следующего смертника.

Им, как вы уже поняли, был я.

Итак, человек жив, пока он трахается.

Так говорила моя жена, наливаясь белым вином, которое поднимало ее ближе к небу в полнолуние, словно прилив – Океан. Именно поэтому я могу сказать, что она славно пожила, моя старушка. Когда-то, на самой заре нашего брака, он предвещал мне лишь удовольствие райского сада, не покинутого Евой – мякоть персика и маракуйи, сочность яблока и легкая кислинка вишни, волокнистость арбуза и мягкость дыни – и все это в одной, отдельно взятой мохнатке, которая поклялась отныне быть со мной в горе и в радости... Но уже тогда пропели петухи. Причем сделали это трижды, и от моего брака отrekliсь не только они, не только бог и демоны, не только весь мир, но и моя жена, таившая в своих ведьмовских глазах такие пропасти неверности, что куда там Марианской впадине. Причем каждый раз это – буду, впрочем, определеннее, не «это», а измена мне, – обставлялось таким образом, что виноватым оказывался я. Поначалу это умиляло и трогало. Будь у меня хотя бы крупница разума или воли, я бы бежал от нее сломя голову. Лучше лишиться руки, но спасти тело. Ну, или глаза. Разве не это имел в виду Христос, когда предостерегал нас от соблазнов и женщин? Уверен, он говорил об этом. Отдай женщине то, что она в себя уже заграбастала, и беги ее, – вот смысл его проповеди.

Оставь то, чего уже лишился, и сматывайся. Я бы так и поступил, если бы не одно «но». Я завяз в этой сучке глубоко-глубоко, – глубже, чем Марианская впадина в нашей планете – и завяз своим членом. А это, пожалуй, единственное, что я бы не смог оставить ни за какие блага. Даже ценой спасения, ценой собственной жизни. Мой член это я сам, и мой трах – забавное слово, оно не понравилось одному критику, рецензировавшему мой последний роман, в котором ни разу этого самого «траха» не было, – это и есть я.

И моя сука-жена прекрасно об этом знала.

Поэтому же она и не обработала меня моментально, как всех своих предыдущих мужей и любовников, а проглатывала жертву постепенно, смакуя. Она любила трах, а трах любил ее. Они были вроде как близнецы. Иногда, впрочем, в их союз вмешивался алкоголь, и тогда Ирину словно бы разрывало на части. Да, чуточку спиртного для многих из нас служит отличным подспорьем в трахе, согласен. Но нужно было знать мою жену – она отдавалась Делу всем телом и душой. Если она подмахивала, так подмахивала. Ее распинал на решетке, смазанной спермой львов, целый полк нумидийских наемников, а во рту крутился, издавая визги взрывающейся пехотной мины, Единорогов причиндал. Она приводила с улицы уланский полк, и брала его, а после гнала несчастных за их конями. Если же она пила, так пила. Из ее ноздрей вырывались винные пары, слова приобретали тяжесть камней и остроту копий, соски стреляли огнем, пизда по-

жирала саму себя. Когда она пила, ее кожа издавала запах кислой блевотины, так похожей на аромат подгнившей виноградной ягоды, что издает ее любимое вино – сухой брют. Она не просто отдавалась делу, которое дело. Как и все природные явления или стихийные бедствия – что, кажется, одно и то же, – она была большим, чем исполнителем события. Она сама становилась тем, что делала. Она и была этим. Мы ведь не говорим «шторм сделал шторм». Мы говорим «шторм». И этого достаточно. Так я не говорю говорю – «это был ад, который устроила мне моя жена». Я говорю просто и по существу.

Это была моя жена.

И этого достаточно.

Нас окружали мертвецы.

Большинство наших с ней знакомых умерли ко времени нашего знакомства. Иными словами, она не трахалась с мужчинами, которые не считали член той осью, на которой крутится Вселенная, не представляли для Ирины никакого интереса. Может быть именно поэтому, часто думал я, она и избрала меня. Я конечно же, – что бы мне не хотелось думать о наших отношениях, – ничего не решал в тот вечер, когда она решила познакомиться с ней поближе. Впрочем, мне всегда нравились женщины, которые идут на контакт первыми.

Шлюхи, ты имеешь в виду, – поясняла моя выпившая и озверевшая жена.

Да, моя шлюшка, – говорил, смеясь, теперь уже я.

После чего брал ее за волосы, и седлал. Кобыла она, что надо. С ней мы прошли походом всю Аравийскую пустыню, перебрались через Гималаи, и даже сумели выжить в пустыне Гоби, а уж та-то славится полным отсутствием воды и подножного корма. Что же, ей приходилось искать этот корм у меня в паху, а пить ей я позволял росу, выступавшую на моем теле. Я понимаю, что все это звучит довольно странно, но порой, во время наших ночных продолжительных совокуплений, я и в самом деле представлял себя всадником, а ее – то кораблем, то кораблем пустыни, то ковром-самолетом,

который нес меня, нес, нес...

Только вот куда, не было ведомо ни мне, ни коври.

Вернее, Рина догадывалась. Говорю об этом без малейшей тени сомнения, потому что за два года то того, как с нами случилось то, что должно было случиться, она, во время приступа пьяной болтливости, проговорила. Она была мрачнее тучи в тот вечер. Мы повстречали ее второго мужа, и малый, судя по всему, чувствовал себя неплохо. Признаюсь честно, это уязвило и меня. А уж Рину-то это привело в бешенство. Ну, мы выпили все вместе – я, она, он и его новая жена, – мило поулыбались друг другу, и разошлись. Я пришел в чертовски плохое настроение, волна грустной ревности настигла меня. В отличие от ревности бешеной этот вид ревности не оставляет мне шансов на спасение, и я принялся пить. Рина, понятное дело, не отставала. Только причины у нее были другие.

Я женщина всей его жизни, – орала она.

Никогда никого лучше он в жизни своей не встретит! – шипела она, и, поматывая головой, вновь прикладывалась к бутылке.

Я пил и помалкивал. Хотелось бы мне в это верить, но, боюсь, этот муж оказался единственным, кто уцелел благодаря своей отнюдь не тонкой душевной организации. Проще говоря, он недостаточно умен для того, чтобы понять, как именно она его унизила, растоптала и уничтожила.

А раз так, она его не унизила, не растоптала, и не уничто-

жила, понимала Ирина.

И это выводило ее из себя. Более того. Коль скоро она не проделала это с ним, значит, все это с ней проделал он. Унизил, растоптал, уничтожил.

Ну, а ты чего там сидишь?! – зло спросила она, когда соизволила, наконец, обратить внимание на своего нынешнего мужа, меня.

Я даже обрадовался ее пьяному вниманию. Что угодно, только не сидеть в углу, и не вылизывать, как побитая собака, синяки своего честолюбия. Ревность ужасное чувство, и особенно его силу я познал в браке с Риной. Она окуривала меня ревностью, словно пасечник-любитель – рой одомашненных пчел. Укрощала меня ревностью, протыкала ей мою брюшную полость, жгла глаза, сводила на нет полностью. Как это у нее получалось, не спрашивайте. Но она могла – действительно могла – за каких-то несколько часов превратить любого Аполлона в кучку дымящегося пепла. Который, вдобавок ко всему, будет поджаривать себя сам. Говорю же, она была ведьмой.

Да, дорогой, – любила говаривать она, – и берегись, чтобы я не узнала о тебе ничего Этакого.

Иначе я причиню тебе немало неприятностей, – хихикала она.

После чего становилась уже игривой, и я, самосохранения ради, принимал эти ухаживания. С достаточной долей иронии, конечно. Ведь, как бы на не была страшна и дей-

ствительно неприятна в своем умении видеть то, что скрыто, в некоторых вещах она оказалась слепа. Как котенок из семейства ее любимых кошачьих.

Я изменял ей с первого дня брака.

При этом у меня ни малейшего сомнения не возникало в том, что и она изменяет мне. Но она умела все вывернуть так, – говорил же, – что виноватым оказывался я. Да и слишком я любил ее для того, чтобы Действительно хотя бы раз воспротивиться ее злой воле, поборовшей меня, скрутившей, и отбросившей на коврик в углу. Собачий коврик. Слово «собачий» она произносила неизменно с глубочайшим презрением.

Ну и чем тебе не нравятся собаки? – спрашивал я.

Своим жополижеством, – отвечала она, как всегда, когда пьяная, грубо.

Кошки, они как женщины, свободны, – многозначительно поднимала она палец.

Ненавижу кошек, – как-то признался я.

После чего, под ее снисходительным взглядом мамыши, прочел целую лекцию, вычитанную в научно-популярном журнале. Там объяснялось, почему на многих гербах есть изображения львов и тигров, вставших на задних лапах. Все дело в атавистической памяти, объясняли авторы исследования. Когда-то наши предки были не хозяевами земли, а ее арендаторами.

Не хозяевами, а арендаторами, – со вкусом повторила она,

хмыкнула, и выпила.

На нашем огромном диване, занимавшем добрую часть дома, – а это очень просторный дом, – она сама смахивала на ленивую большую кошку. Да, арендаторами, повторил я, и продолжил. И вот тогда-то у людей, селившихся в пещерах, был единственный страшный враг. Кошачьи. Для саблезубых тигров человек был самой легкой добычей. В сравнении с лошадью или зеброй бегают медленно, защищаться еще толком не умеет. Ходячие консервы.

Ходячий корм для кошек, хочешь ты сказать, – поправила она, смеясь.

Ну, где-то так, – согласился я.

После чего, не раздражаясь – она всегда перебивала меня, и я привык, – продолжил. Наши предки боялись кошачьих пуще смерти. Это и была смерть. Мы были их пищей. Они были высшим звеном. Они лакомились нашими детенышами.

Ну и что? – неприятно-высокомерно удивилась она.

Я только перевел дух. Само собой, я знал свою жену достаточно хорошо, для того, чтобы рассказывать это не с целью убедить ее в чем-то. Я всего-навсего ставил ее в курс прочитанной статьи, объяснившей мне самому мою давнюю неприязнь к кошкам. Ирина, выслушав это мое соображение, милостиво кивнула.

А так ли уж необходимо это было? – спросила она задумчиво.

Ну, покорять планету и все такое? – пояснила она
Послушай... начал было я.

Но она уже встала на четвереньки и выгнула спину. Показала задницу. Весьма соблазнительную, признаю, задницу.

Глядя на нее, я выпил.

Трахни свою кошечку, – сказала она.

Я залез на нее сзади, прикусил шею, и она зашипела. Клянусь, в этом звуке я услышал предсмертный плач сотен несчастных детей первобытной эпохи. Более того, как человек, сохранивший в себе память веков, я подозревал еще кое-что. Эти дети...

Одним из них был я.

... чему ты молчишь? – раздался голос у моего плеча.

Я вздрогнул. Потом с недоумением взглянул на телефонную трубку в своей руке. И только тогда вспомнил. Люба.

Судя по всему, приезжать она не собиралась, Это меня разозлило.

Гнусная манера у моих женщин звонить мне ночами, чтобы послушать, как я счастлив с Риной, – сказал я.

Бывших? – спросила она.

Счастлив? – сказала она.

В этих двух быстрых вопросах я уловил некий намек. Что-то легкое и промелькнувшее между нами, так быстро, что мы уловили лишь движение. Да, ее обещания пахли крысиным пометом.

Люба, я кладу трубку, – сказал я, даже не двинувшись.

Ладно, – сказала она.

Мне приснилось, что ты убил свою жену, – сказала она.

Сумасшедшая, – сказал я.

Почему? – сказала она и снова хихикнула.

Все ведь знают, что она у тебя уже в печенках сидит.

Я вспомнил, как выглядит печень. В отличие от плоти, внутренние органы сверху выглядят блестящей совокупностью. Они начищены, словно награды, и выглядят, как цветы. Цветы плоти. Я немало на них насмотрелся, когда рабо-

тал репортером криминальной хроники. То, впрочем, была даже не прошлая моя жизнь. Позапрошлая. Если ножом потрогать оболочку внутренних органов человека, она испаряется, словно плод, вспомнил я нехстати свои посещения морга МВД.

– Итак, – сказал я.

Ты убил свою жену, – скорее утверждает, чем спрашивает она.

Все вы об этом только и мечтаете, – говорю я.

Все мои бывшие женщины, – говорю я.

Всем вам, сучки, покоя не дает то, что мы с Риной счастливы, хоть у вас и другое мнение на этот счет, – говорю я.

Это все, что ты хотела сказать? – спросил я.

Мне приснилось, что ты убил ее из ревности, – быстро и испуганно сказала она.

Люба, – улыбнулся я.

Все знают, что ревность не вошла в число моих многочисленных недостатков. Я с улыбкой позволял женщинам отправляться в невиданные путешествия адюльтеров, свальных вечеринок и самых отвратительных коитусов, которые только случаются на лестничных клетках заброшенных домов с преследующим вас незнакомцем. Я не раз с улыбкой похвалялся тем, что с улыбкой позволял своим женщинам это. Я... В конце концов, хоть я и был исчерпан до дна, и выжат, словно гнилой фрукт, но оболочка моя все еще блестела и была преисполнена значимости и важности. Я выглядел,

как самец в полном расцвете сил, вальяжный и уверенный в себе. Хоть, конечно, уже перестал им быть. Во многом, – да, – благодаря своей жене Рине. Которая высосала меня, как вампир жертву.

Мне приснилось, что ты убил ее, приревновав, – снова быстро повторила Люба.

Этого не может быть, ты же знаешь, – сказал я.

И, тем не менее, это так, – сказала она.

Вот еще глупости, – сказал я, поджав под себя ногу, и ощущая, не поранил ли чем.

Частенько мы с Риной, напившись, били посуду и разбрасывали осколки по всему дому. Наутро, выковыривая из ног куски фарфора, хрусталя или просто стекла, смеялись и срывали с ног подсохшие корочки крови. Свежей кровью я намазал ей задницу, перед тем, как... Впрочем, это было давно.

Ты лежал без сна всю ночь, я ЧУВСТВОВАЛА это, – сказала Люба.

Глупости, – сказал я.

Я только проснулся, – сказал я.

Ты проснулся рано ночью из-за того, что Луна светила тебе в окно.

А когда Луна ушла, на ее месте появилась Венера, – сказала Люба.

Все это время ты лежал, и хотел меня, – сказала она.

Это уже ближе к истине, – сказал я.

Приедешь ты или нет? – спросил я.

Рядом лежала она, Рина, – сказала Люба.

Ты думал обо всех женщинах, которые у тебя когда-либо были, – продолжала Люба.

Обо всех, кто у тебя был, кому ты засаживал, и кого упустил.

О тех, кого ты упустил, ты жалел особенно сильно, ты хотел их невероятно, – говорила.

Черт, у меня встал, – смеясь, – сказал я,

Ты так аппетитно рассказываешь, – призывно сказал я.

М-м-м-м, – сказал я.

Милый, я рассказываю о своем сне, – сказала она.

Вещем сне, – поправилась Люба.

Хорошо, – сказал я, – у меня была гигантская эрекция, и я случайно зашиб Рину, когда повернулся не так в постели.

Глупые шуточки, – судя по изменившемуся прикусу, она занялась заусеницами.

Это тоже часть моего дара: по тону, оттенкам и вибрациям голоса, я с точностью до тысячной доли могу сказать вам, чем занят рот женщины в тот момент, когда она говорит с вами чревом. Она может облизывать ствол своего нынешнего друга, грызть ногти, кусать сливочное мороженое, выпячивать губы в надежде рассмотреть, нет ли комочков помады, кривить губы, в общем, делать что угодно. По голосу я пойму, что она делает. Люба пообкусывала заусеницы, и принялась сжимать губы, я это буквально видел. Как она – убийство, которое я совершил этой ночью. Ну, по ее версии, ко-

нечно.

– Ты лежал несколько часов, думал о тебе и о ней, и когда понял, что она уничтожает тебя, медленно, но безостановочно, решил убить ее.

Ну, и убил, – сказала она испуганно, – и я видела это так, как будто была рядом с вами, как будто лежала в постели с вами...

Вот как, – сказал я.

А так как сил вырваться у тебя уже не было, ты просто-напросто задушил ее, – сказала она.

Невероятно, – сказал я. – Ложись спать.

Что лежит на простыне слева от тебя? – спросила она.

Скажи мне, – сказала она.

Ничего, – сказал я, глянув туда,

Извини, – сказала она.

Да ничего, – сказал я.

Все время путаюсь, – сказала она, – ты же никогда не ложишься справа от женщины, потому что на левом боку ты спать не можешь.

Скажи, что лежит на кровати справа от тебя? – спросила она.

Милый? – сказала она.

Я встал с кровати, и ответил, не глядя на нее:

Я не хочу туда смотреть.

Ох, милый, – сказала она.

Да нет, ты не поняла, – сказал я.

Милый, ты убил ее, – сказала она.

К этому все и шло, – сказала Люба, – она тебя намеренно провоцировала.

Вот еще глупости, – не согласился я из приличия.

Это все видели, – уверенно сказала она.

Так что ты получишь от силы десять лет, а если учесть что мы найдем тебе хорошего адвоката и сможем доказать, что нас...

Я польщен, – сказал я, – но ты выдаешь свой сон за желаемое.

Тогда почему ты не хочешь смотреть на свою кровать? – спросила она.

Это не имеет никакого отношения к твоему сну, милая, – сказал я.

Ох, милый, – сказала она.

Я хочу тебя, – сказал я.

Приезжай, – попросил я.

Это говоришь не ты, а твоя утренняя эрекция, – сказала она.

Да, – твердо сказал я за свою утреннюю эрекцию, потому что помнил, как Люба любит прямооту во всех ее смыслах.

Мы, я, и мой член, хотим тебя, – сказал я.

У него нет души, – сказала она.

Само собой, это же просто кусок мяса, – сказал я.

Я о Дьяволе, милый, – сказала она.

Дьявол, мысленно взмолился я Ему вновь. Привези мне

женщину, дай мне кусок сладкой, скользкой мохнатки, раздвинь передо мной ноги женщин, и я сделаю ради тебя все, что угодно. Разрежу чужое нутро, окропив кровью землю под красным светом Венеры, к примеру. Дьявол, пришли мне ее. Приди, воззвал я Любу. Приди ко мне. Я представил себе, что она муха, а я – паук, обклеивший ее своей слюнявой паутиной. Я потянул этими струнами ее неподатливое тело к себе. Всей силой своего воображения я представил, что я – гриб, прорастающий мицелием в тело жертвы, и высасывающий ее соки. Я пророс в тело Любу, в ее сальные с утра волосы, ее большущие сиськи, в ее скользкую щель, в ее пряный зад, и потянул ее к себе. Я буквально физически ощутил ее колебания. Она колебалась, чуть покачиваясь, словно утопленник под водой – от течения. Я усилил приток воды мыслями, и ее волосы заструились по набухшей от влаги коже. Я буквально видел это.

Ну.. – сказала она.

Не стану настаивать, – медовым голосом сказал я.

Что у вас вообще происходит? – спросила она вдруг.

Мне кажется, она уехала надолго, – сказал я.

Думаю, она бросила меня, – признался я, наконец.

И это вогнало тебя в депрессию, – сказала она.

Понятно теперь, почему мне приснился этот сон, – сказала Люба.

Видимо, ты так сильно хотел убить ее за то, что она тебя бросила, что твое желание материализовалось и проникло

В меня.

Я бы с удовольствием проник в тебя сейчас, – сказал я.

Пошляк, – сказала она.

Тебе это всегда нравилось, – сказал я.

Сучка, – сказал я.

Грязная потаскушка, лживая кошелка, – сказал я.

Прекрати, – сказала она.

Заткнись, проститутка, – сказал я.

Заткнись и слушай, что тебе говорят, – сказал я.

Снимай свои чертовы трусики, надевай свое лучшее платье и приезжай сюда, чтобы подползти к дверям моего дома на коленях, дрянь, – сказал я.

Поче... – сказала она.

Без разговоров, – сказал я.

Она замолчала по-настоящему. Я, безусловно, рисковал. Кто знает, может быть ее привычки за эти пять лет изменились? Но нет.

Ох, я вся теку, – сказала она жалобно, но уже с долей игривости.

Зачерпни между ног и размажь по лицу, – сказал я.

Или подожди, и я сам это сделаю, – сказал я.

Гребанная потаскуха, – сказал я.

Мое лицо горело, в ушах было ощущение высоты в пять километров над уровнем моря, и кровь шумела, как при высоком давлении. Я не очень-то понимал, что говорю. У меня начинался обычный гон, в самом его зверином смысле.

Я дико хотел трахаться, и, если бы на моем пути к женской дыре встал человек, убил бы его.

Впрочем, мы так и поступаем, правда ведь?

Хватит, а то я сейчас кончу, – сказала она.

Давай, – сказал я.

Приезжай, дрянь, – велел я.

Она вновь замолчала.

А я сосредоточился, и стал выкликать ее, словно испорченная женщина – бурю.

Я представил себе кровь Любы океаном, а себя – злым колдуном, взятым в путешествие ничего не подозревающими испанцами к Эльдorado. Если бы они узнали, что я делаю по ночам, то сожгли бы меня в клетке с соломой, прицепив ее к носу корабля. Но они крепко спали. И я бродил по ночным палубам, поскрипывающим и пошатывающимся, и лил кровь крыс на плещущиеся в трюмах воды. На следующий день разражался ураган и экспедиция сходила на нет. Я плескал колдовским пометом в кровь Любы и звал ее воды к себе, словно я был Луна, и она – Океан. Я сжал зубы и кулаки, так крепко, что из-за нестриженных вторую неделю ногтей на моих ладонях выступили кровавые полумесяцы. Я представлял, что зажал в них складки ее мохнатки, и властно распоряжался ими по своему смотрению. Люба прерывисто молчала. Я распалился и вонзил в ее мохнатку сто тысяч раскаленных крючьев. Развернул ее, словно нелепый мясистый цветок, и подвесил в сумрачной шахте. Повиси– ка

здесь, милая, прошептал я, и оставил ее стекать каплями белесой слизи на соляные полы. Давай, подумал я. Приди ко мне. Я больше, и, согласно закону притяжения, ты должна быть влекома ко мне. Падай на меня. Обрушьясь. Давай, сучка, велел я ей в мыслях, и, глядя на себя в зеркало, величаво выпрямился.

Прекрати, – сказала она вдруг.

Что? – показно удивился я, не ослабляя хватки,

Мне почему-то очень сильно захотелось тебя видеть, – жалобно сказала она.

Теперь молчал уже я. Дело было сделано. Я посеял в ней лихорадку своего желания. Слюнявый поцелуй оспы, вот что я передал ее слизистым оболочкам в то время, как она раздумывала у телефона, ехать ли ей ко мне, и куда запропастилась Рина. Мы, кстати, вспомнили о ней одновременно.

Но что ты сделал с Риной? – спросила она.

Клянусь тебе, – поклялся я с чистой совестью, – я не знаю, где Рина.

Стал ли бы я звать тебя сюда, если бы она была тут? – сказал я.

Не знаю, – жалобно сказала она, – мне так отчетливо прикинулось во сне, что на твоей кровати лежит мертвая девушка...

Скажи мне честно, ты убил ее? – спросила она.

Я все равно приеду, – посулила она.

Нет, – сказал я, – я не убивал Рину и даже не знаю, где она.

Она сорвалась черт знает куда, и сейчас, наверняка, спит в постели в тремя мужиками, вся в засохшей сперме, – предположил я.

Ее нет дома вот уже четвертый день, а выяснять, где она, у меня нет ни малейшего желания, потому что я опустошен, – признался я.

А кровать? – спросила она.

На моей кровати нет Рины, – сказал я устало.

Хорошо, я уже выхожу, – сказала она.

Надень чулки, – сказал я вспомнив кое что.

Я легла в них, и еще не снимала, – сказала она.

М-м-м, – сказал я,

Мой любимый мужчина, – сказала она.

Скорее, – сказал я.

Положив трубку, и оглянувшись, наконец, на нашу огромную кровать. Увиденное меня не удивило, хотя и потрясло еще раз. И Люба и я были правы.

Там действительно не было Рины.

Но там была девушка. И она действительно была мертва.

И, боюсь, я имел к этому кое-какое отношение.

– Откуда ты здесь взялась? – спросил я ее проформы ради.

После чего приоткрыл лицо девушки, до тех пор спрятанное под краем одеяла – с золотыми лунами и синим ночным небом, такой рисунок выбрала сама Рина, он будил какие-то ее детские воспоминания, – и всмотрелся, не останавливаясь взглядом ни на чем конкретно. Кажется, тонкие черты лица. Серое, – словно бумага, из которого осы делают свои гнездышки, – лицо. Это значит, что жизнь ушла давно, не меньше чем десять-двенадцать часов назад, вспомнил я. После чего подумал – не мешало бы вызвать полицию. Правда, всего лишь подумал. Я не боялся объяснений, которые неизбежно предстояли. Я просто не хотел начинать всю эту суету. Как только я положу трубку, знал я, у моего дома завизжат тормоза, и начнется кутерьма: в комнатах будут ходить люди, по стенам станут жаться фотографии криминальной хроники, начнется бюрократическая тягомотина, и освобожусь я, в лучшем случае, через день.

Значит, еще целый день – вдобавок к пяти проведенных без Риной, – у меня не будет женщины.

При мысли об этом меня бросило в слабость, и я прислонился к окну лбом. Оставил отпечаток. Подумал о том, что неплохо бы проверить, нет ли отпечатков вокруг кровати, если, конечно, я не затоптал их своими босыми ногами.

Легавые... Я буквально слышал диалог, который прозвучит в этой комнате.

В качестве собеседника я представил себе местного легавого, который иногда приходил к нам с Риной в гости, и, кажется, разочек присунул ей.

Я понимаю, что это звучит как в дурного сорта детективах... – скажу я.

Вы, кстати, пописываете эти детективы, да? – спросит легавый.

Да, время от времени, – смущенно скажу я.

Только они не дурного сорта. – отобью подачу я.

Надо будет почитать, – скажет он.

Я подарю вам экземпляр, – скажу я.

Кофе хотите? – спрошу я.

Ага, – скажет он и мы, по просьба эксперта, покинем комнату.

Мы пройдем на кухню, я заварю кофе под скептическим взглядом легавого, оказавшегося на кухне дома, который стоит двенадцать его жизненных окладов. Кофе станет закипать медленно, потому что кофеварка постоянно забивалась. А почистить ее времени у Риной никогда нет. Торопиться я не стану, нет.

Кстати, ваша жена, – скажет он.

Мы разъехались, – скажу я, и отчасти буду прав.

Она в курсе, что вы водите домой девушек? – спросит он.

Я не вожу девушек домой, – скажу я.

Она в курсе, что в ее постели лежит мертвая девушка, которую вы не приводили домой, и которая, видимо, пришла сама? – спросит он.

Она не приходила сама, – скажу я.

Стало быть, вы ее принесли мертвую? – спросит он.

Увидели у дороги, пожалели и подобрали? – спросит он.

Не нужно на меня давить, – скажу я.

Господи, – скажет он.

После чего отставит в сторону кофе, и скажет:

Знаешь я тебе что скажу, приятель.

Все вы, парни– засранцы, которые пишут детективные истории, – скажет он.

... ни хрена не понимаете в том, как происходят настоящие убийства, – приговорит нас он.

Вы говорите прямо как литературные критики, – скажу я.

Которые, кстати, понятия не имеют, как все это бывает на самом деле, – скажу я.

К тому же, – продолжит он, не обращая внимания на мою иронию, – все вы составляете представление об убийствах из книжек других таких же задротов, и понятия не имеете, как оно бывает По правде.

Вы повторяетесь, капитан, – скажу я.

Лейтенант, – скажет он.

Такими темпами вы им еще долго останетесь, – скажу я.

Угрожаешь знакомствами, парень? – спросит он.

Вот мы и подружились, – скажу я.

Вот мы уже и на «ты», – скажу я.

Зови меня «милый», – скажет он, ухмыльнувшись.

Да, милый, – скажу я.

И я налью ему еще кофе.

У меня осталось совсем мало времени.

Посветлело, и где-то на краю городка, отхаркиваясь, захрипел старый петух. Рину всегда раздражала эта старая птица, которую мы ни разу не видели. Она даже хотела, чтобы я, рано утром, прокрался в дом, где держат этого петуха, и укошил его. Она считала, что я обязан совершить этот подвиг ради своей любимой жены. Ради ее сна.

По мне, так она просто боялась петуха, как и положено всякой нечисти.

Я подумал о том, что Люба, должно быть, уже в пути. Но я не двинулся. В странном оцепенении, стоя у окна, я продолжил представлять, что произойдет, если я вызову в дом полицию. Кажется, мы остановились на кофе.

Да, спасибо, – скажет он мне.

Значит так, дружище, – скажет он.

Специально для тебя я сейчас открывают курсы писательского мастерства для новичков-детективщиков, – скажет он, и закурит, не пропустив мой жадный взгляд, брошенный на сигарету..

Стоя у окна, лбом в стекло, я буквально почувствовал запах сигарет, которые он курит.

Рассмотреть название я не успел, потому что давно уже близорук. Крепкий, достойный дым с легким ароматом чер-

нослива. Вальяжный, и уверенный в себе дым – словно член клуба избранных с золотой бабочкой на шее. Улыбающийся дым.

Кажется, «Ротманс».

Интересно, хватает ли ему зарплаты лейтенанта полиции на дорогой сорт сигарет каждый день. И уловил ли я в этом дыме некий намек на привкус не только чернослива, но и лежалога запаха старых банкнот, запашка коррупции и продажности? Наверное, все эти мысли у меня на лице написаны, так что он перейдет к делу. Резко рубанет воздух рукой.

Я объясню тебе, как все бывает на самом деле, а ты за это окажешь мне услугу, – скажет он.

Просто расскажи мне, как это случилось, и мы оформим это как явку с повинной, и получишь ты за это не больше десяти лет, – пообещал он.

Располованное горло мы выдадим за приступ безумия, а убийство за результат ссоры, – скажет он.

Аффект, ты был трезв, у тебя проблемы с женой, семь лет, – скажет он.

Пять ты отсидишь, а потом тебя выпустят за отличное поведение, – пообещает он.

И я уловлю в его обещаниях неуловимый запах разложения. Все легавые на предварительной стадии расследования готовы ноги перед тобой раздвинуть, лишь бы ты признался. На словах, конечно, о, лишь на словах. Это я как автор детективов знаю.

Вы ведете себя прямо как легавый из детективов, – скажу я.

Много ты о нас знаешь, – скажет он.

Как-то я написал книгу, в которой главная героиня на первой странице блюет и умирает, – скажу я.

О боже ты мой, – скажет он.

Продолжай, – скажет он, уловив мою паузу.

Ну, и после выхода меня сразу же обвинили в том, что я очерняю действительность, – скажу я. – Кровь, пот, все такое.

Ага, – согласно кивнет он.

Но никому из этих придурков, – скажу я, – обвиняющих меня в «чернухе» и в голову не пришло, что человек, умирающий от потери крови, Действительно блюет, его на части просто разрывает, так его тошнит...

Верно, – скажет он.

И, получается, в каждой моей строке больше знания жизни, чем во всех этих критиках долбанных, – скажу я и попрошу сигарету.

Тебя это так зацепило, ну, то, что книжку твою поругали, что ты уже даже посторонним людям об этом готов рассказывать? – спросит он.

Это я к тому, – скажу я, так и не прикурив, – что девушка-то умерла от потери крови.

Разрезанное горло, – напомню я ему то, о чем мы оба все это время и так думали.

Располозованное просто, – скажу я.

Все до капли сцезено, – скажу я.

Ну и? – скажет он.

Ну и где ее блевотина? – спрошу я.

Кто-то убил ее где-то, где она блеванула, – скажу я.

И уже потом принес ее обескровленное тело сюда, – скажу я.

И суну сигареты в рот, испытав невероятное чувство Узнавания. Голова закружится от одной лишь не зажженной сигареты во рту.

Тогда-то он и даст мне прикурить.

О нет, – скажет он, держа руки с огнем у моего лица.

Я до последнего надеялся, что мы избежим этих неприятных процедур, – скажет он.

Надеялся, что ты не станешь отпираться и усугублять свою положение, – скажет он.

Ты прямо как книжный легавый сейчас, – скажу я.

Что ты знаешь о легавых, – скажет он.

Немало, – скажу я.

После чего его отзовут в соседнюю комнату, и после трели мобильного он помолчит немного, осторожно дыша. Потом вернется. Нальет себе еще кофе. И меня не забудет.

Тебе крупно повезло как-то раз, – скажет он.

Тебя использовали как приманку, чтобы выйти на дилера, – скажет он.

... не посадили в тюрьму и ты после этого решил, что схва-

тил Бога за яйца, – скажет он.

... написал об этом книжонку, купил домишко на курорте, и стал потрахивать девчонок тайком от жены, – скажет он.

... пока одна из них тебе не дала, и ты не обезумел, и не уколошил ее ножом для вскрытия консервов, – скажет он.

Вскрыл, как сгущенку, – сплюнет он на пол.

Здесь убирают, – скажу я.

Тут полно грязи, – скажет он, глядя мне в глаза.

Мы помолчим.

Но на этот раз все значительно хуже, – скажет он.

На этот раз ты попадешь в тюрьму и надолго, – скажет он.

Лет двадцать пять минимум, – прикинет он.

Это какое-то ужасное недоразумение, – скажу я.

Последний шанс, – скажет он

Что, черт побери, на тебя нашло? – спросит он.

Ты подцепил ее у пляжа, привел домой, стал раздевать, она заартачилась, и ты психанул? – спросит он.

Почему ты ее убил? – спросил он.

Она отказалась трахаться в задницу, или не позволила нагадить себе в рот? – спросил он.

О Боже, – скажу я.

Меня сейчас вырвет, ну и фантазия у вас, офицер, – скажу я.

Нет, ребята, это у ВАС фантазия, – скажет он.

Вы, интеллектуалы сраные, такие выдумщики, – сказал

он.

Ну, рассказывай, чем ты поразил девушку, – скажет он.

Поразил настолько, что она предпочла сдохнуть, а не сделать то, чего ты от нее хотел, – скажет он.

Или ты этого и хотел? – спросит он.

Ты хотел убить ее, – скажет он.

И ты убил ее, – скажет он.

И тут я пойму, что он ненавидит меня.

Офицер, – скажу я.

Еще кофе? – спрошу я.

К черту кофе, – скажет он, – я с тобой сердечником стану, дружище.

Итак, – скажет он.

... – поощрит он меня взглядом.

Офицер, – соберусь с духом я

Итак, я понимаю, что эта фраза звучит как в дурного сорта детективах, – сделаю вторую попытку я,

... – будет ждать он.

... но я и правда понятия не имею, откуда и как здесь появилась эта девушка, – скажу я.

Даже имени ее не знаю, – скажу я.

Как она тут появилась, ума не приложу, – повторю я.

И, конечно, совру.

В конце концов, это я ее сюда привез.

Странно, но я ни капельки не волновался.

Почему я сказал «ни капельки»? Видимо, все дело в крови. Глядя на то, как свисает рука девушки, серая и безжизненная, я подумал о крови, которая вытекла из нее вся. По каплям, очевидно. Я глубоко вздохнул и потер лоб. Голова страшно болела, и я подошел к кровати, и присел на краешек. Пахло плохо, как всегда пахнет лежалая кровь. Итак, я понимал, что если вызову полицию, то мне предстоит, минимум, сутки напряженных разговоров. Сначала здесь, потом в участке. Безусловно. На некоторое время я выкручусь, но итог дела не представлялся мне чересчур уж радужным. Так или иначе, а у меня просто нет сил на то, чтобы вступить в схватку с честолюбивыми полицейскими, жаждущими расколоть в меру известного писателя на признание в убийстве с отягчающим обстоятельством.

Ну а что такое горло, распоротое консервным ножом, как не отягчающее обстоятельство?

Кстати, нож. Я поднял его, тупо глянул, и вдруг ощутил – физически, кожей, – движение теплого воздуха, который исходит от капота автомобиля Любви. Скоро она будет здесь. Я глянул на телефон. Безусловно, все, что я сейчас сделаю, – кроме звонка в полицию, – станет еще одним отягчающим обстоятельством. Так что решать нужно быстро. Больше все-

го на свете я мечтал сейчас хлебнуть алкоголя. Вместо этого я бросил консервный нож в раковину на кухне и вернулся оттуда с ведром горячей воды. Труп девушки я завернул в одеяло, и перетянул в области головы и ног ремнями. Тщательно вымыл пол, – несколько раз пришлось поменять воду, – и оттащил одеяло в подвал, где сбросил тело в дубовую бочку с вином.

Тихий плеск напомнил мне о реке.

Когда-то Рина мечтала делать домашнее вино, чтобы наслаждаться им со мной тихими вечерами с отдыхом на крыше... с видом на реку... Давно. В те времена, когда наш брак не превратился еще в пантакратион с элементами заказного убийства.

Конечно, это намерение – как все в ее жизни, – осталось всего лишь намерением.

Единственное, что она довела до конца, это наш брак, подумал я.

И вдруг отчетливо понял, что не проживу больше с Риной ни дня. Таинственное очарование пут, привязавших меня к ней намертво, разрушилось в мгновение ока. Тихий плеск реки, и вот путы уже сброшены кучкой в бочку, на одеяло, прикрывшее мертвое тело. Я никогда не буду жить с тобой больше, мысленно дал я Рине свою последнюю клятву.

И, почувствовав несказанное облегчение, продолжил мыть комнату, отрезая себе путь от покаянной, явки с повинной, смягчающих обстоятельств и тому подобных заман-

чивых вещей.

К концу уборки, я вспотел. Смыть следы убийства оказалось делом нелегким. К тому же, на мне оставались следы крови. Так что я – все еще раздетый – пошел в душ. Потом сварил кофе. Следовало дожидаться следующей ночи, чтобы избавиться от тела. Заодно и придумать, как именно это сделать. Хотя река своим плеском намекала мне на то, как именно следует поступить. Воды Днестра уносят к морю немало падали, говорила река. Немало печалей утекли вниз по плато, шептала она журчанием в стекла моего дома. Немало бед... грязи и пакости... Много еще чего говорила река мне в то утро, и я слушал ее как замороженный.

Я видел реку уже совершенно отчетливо. Наступил день.

В это время у ворот тихо и кротко просигналил автомобиль.

Я пошел открывать Любе.

Люба зашла, не разуваясь.

Я знал, что в обуви она зайдет и в спальню. Меня всегда бесила ее неопрятность, но сегодня у меня были особенные причины прийти из-за этого в бешенство. Если где-то еще на полу осталась незамеченная кровь, она может попасть на подошвы. Нет, возможная экспертиза меня не пугала. Я просто боялся, что она увидит отпечатки, и тогда точно уверится, что я убил Рину. Почему-то мысль, что она может узнать, что убил я не Рину, меня не волновала. Как будто отсутствие имени у мертвой девушки напрочь лишало ее индивидуальности. Но для меня она и правда не была кем-то. Просто фигура, очень похожая, на восковую. Я представил, где она сейчас находится, и на минуту впал в оцепенение. Богом клянусь – и всеми его святыми, которые есть не что иное как сомны дезертировавших бесов, – что я почувствовал призыв, идущий от нее. Медленно колыхающиеся в жидкости волосы, застывшее навсегда лицо. Все это не имело значения, это ее внешнее спокойствие. Я знал, что и кораллы с виду камни. А на самом деле они живые, они дышат там, под этими камнями, и – да-да – чувствуют. Что чувствует эта девушка в погибшем теле, покрытом со всех сторон вином, думал я, глядя в спину осматривающейся Любе. Она, – девушка, – словно иголка в мертвом теле в мертвой безвоздуш-

ной капсуле, заполненной жидкостью. Интересно, нужен ли душам кислород, вдруг подумал я. Не задыхается ли она сейчас? И буквально услышал – это было похоже на шепот, струящийся по вашему позвонку, ползущий по вашему телу, как змея, ползущая по Клеопатре, – прерывистый тонкий свист.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.